

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ
КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

10 ledna 1931.

Volné Kozáctvo

Ročník IV.

72

10-го января 1931 г.

10-го січня 1931 р.

П Р А Г А

П Р А Н А

ГОД ИЗДАНИЯ 4-ый

РІК ВИДАННЯ 4-ий

Н. Лигон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Людмила Костина: * * Стих. (Verše).
 2. Н. Нечуй-Левицкий: В ночь под Новый Год. (V noci před Novým rokem).
 3. О. Печениг: * * Вірш. (Verše).
 4. Я. Рудик: * * Вірш. (Verše).
 5. Константин Шариков: * * Стих. (Verše).
 6. Петр Закрепа: * * Стих. (Verše).
-
7. Путь Вольного Казачества. Směr Volného Kozáctva).
 8. Александр Ленивов: Азовское казачье Войско. (Azovské kozácké Vojsko).
 9. П. И. Кокунько: Наше прошлое. (Naše minulé).
 10. В. П. Елисеев: „Белое окружение“. („Bilé komando“).
 11. И. М. Назаров: Несколько параллелей (Několik úvah).
 12. В. Курганский: Тернии. (Ternii).
 13. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 14. В. Куртин: У кайданах (V kajdanách).
 15. Письма и приветствия, полученные редакцией „В. К.“ ко дню 10 декабря. (Dopisy a uvítání, které obdržela redakce ku dni 10 prosince).
 16. Убийство Н. Рамишвили. (Vražda N. Ramišvili).
 17. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 18. В Казакии. (V Kozakii).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Греция. — В. — Получено. Спасибо. Ответ — письмом. Привет.	Страконице. — Л. — Получено. Спасибо. Привет.
Югославия. — А. Г. — Получено. Спасибо. Привет.	Германия. — А. Т. — Получено. Спасибо. Журнал посылается. Привет.
Швейцария. — П. З. — Получено. Пойдет. Привет.	Париж. — А. Л. — Получено. Привет.
Греция. — Д. К. — Журнал стоит в год 3 доллара. Посылать можно в заказных письмах. Привет.	Франция. — А. О. — Будет помещено в одном из следующих номеров. Привет.
Югославия. — П. С. — Журнал в Югославию стоит 70 динар.	Румыния. — С. М. — Получено. Будет помещено. Привет.
Польша. — В. П. — Журнал в Польшу стоит 15 золотых. Можно присылать заказными письмами. Привет.	С. Америка. — А. А. — Получено. Спасибо. Привет.
Югославия. — И. Н. — Все получено. Привет.	Париж. — М. — Получено. Спасибо. Привет.
Париж. — Е. Я. — Будет помещено в следующем номере. Привет.	Земун. — П. К. — Получено все. Привет.
Польша. — Ф. П. — Журнал посылается. Привет.	Харбин. — П. К. — Получено. Привет.
	Югославия. — К. Ш. — Присылайте еще. Привет.
	Париж. — А. Т. — Ответ — письмом. Привет.
	Болгария. — И. У. — Получено. Спасибо. Привет.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.

В БРАТИСЛАВЕ: А. Л. Персидсков.

В ЮГОСЛАВИИ:

А. А. Гейман. Zajечар.

Г. В. Алферов — Мраморак. (Banat).

А. Чекин. Крагуевац.

П. Апостолов. Скопье.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj, Str. Baba Novac, 23

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

П. С. Ковган. Харбин. Биржевая, 32. (P. Kovgan. Harbin. Birjeva, 32).

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. W. P. Ing. B. Fesenko, ul. Twarda, 29, m. 7. Warszawa.

Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo, kolonja Urzednicza dom Lojewskiego.

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew, Hotel „Sokolowski“, ul. Niemecka, 1, Wilno.

В БРАЗИЛИИ:

С. Савицкий. S. Savytzky. Caixa postal № 38, Porto Uniao — E. Sta. Catharina.

В О Ф Р А Н Ц И И:

Ш. Н. Балинов. M-eur Balinoff, 11, rue Vautier, Joinville le Pont (Seine).

M-r Ivanoff, cantine russe, „C. G. c. B.“ Paray le Monial (Saone et Loire).

Е. М. Якименко. M-eur Yakimenko, 29, rue de la Tour, Malakoff (Seine).

Т. К. Хоруженко. M eur Khoroujenko, 14, chemin des deux amants, Lyon-Vaise.

С. И. Шепель. — M-eur Chepel, canep Victor Hugo, Refuge Russe, Marseille.

И. Т. Курило. M-eur Kourilo, rue Brunereau 53, à Cenon près Bordeaux.

В БОЛГАРИИ:

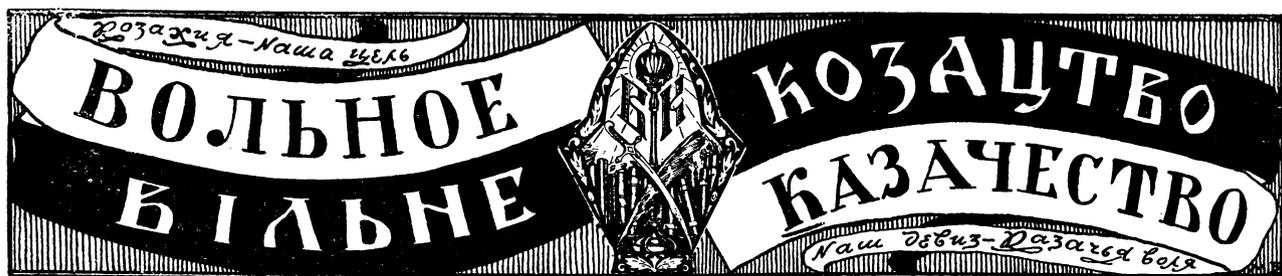
Т. Л. Ляхов. София, ул. Хаджи - Димитров, 3.
Н. В. Аниканов. Княжево - Софийско, б. Ц. Борис, 85.
Н. Егоров. Лом, ул. Царь Асень, 20.

В БЕЛЬГИИ И ЛЮКСЕМБУРГЕ:

Ив. П. Егоров. (M-eur I. Egoroff) 21, rue Godefrroi Devreese, Bruxelles.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. 2287 Colnmbus R-d, Cleveland, Ohio (U. S. A.).

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Fochova, 130. Tchecoslovaquie.

№ 7?

суббота, 10 января, 1931 — субота, 10 січня, 1931.

№ 72

Людмила Костина. (Югославия).

ЛИЛОВЫЙ ПЬЕРО.

Я, помню, вышивала ирисы на пальцах.
Был теплый день, сирень уже цвела.
Проворно двигалась иголка в моих пальцах,
Рисуя контур первого цветка.

Вдруг — легкий стук, откинулась портьера,
И Вы вошли, изящный, как всегда,
Взглянули на часы с обыною манерой,
Слегка прищурив грустные глаза.

„Как раз, не опоздал“, Вы бросили небрежно,
Рукою проведя по темным волосам.
„Как видите, Пьеро остался прежним,
Лиловым призраком, покорным вам“.

Пожатие руки и несколько случайных,
Ничтожных фраз о прошлом пикнике
Меня окутали блестящими сетями...
Слова, улыбки — плыли, как во сне.

Вы с каждым мигом рушили преграды —
Я не могла найти убежища в цветах,
Горели ярко щеки под упорным взглядом,
И шелк лиловый путался в руках.

Спустился вечер... Брошенные пальцы
Скучали в тишине у темного окна.
Вы в полумраке целовали мои пальцы,
Шепча красивые, безумные слова...

Теперь Вас нет... На сердце гнет печали;
Осенний вечер смотрится в окно;
Холодный ветер стонет и рыдает,
И бьется крыльями о мокрое окно.

В углу стоят неконченные пальцы,
С цветком лиловым замерла любовь...
И я в отчаянии ломаю свои пальцы...
Шутник-Пьеро, вернетесь ли Вы вновь?!

Н. Нечуй-Левицкий. (Прага).

В ночь под Новый Год.

Безработица... Как много при этом звуке в сердце эмигрантском отозвалось! Кому из нас, рассеянных по миру и питающихся от трудов своих не приходилось за границей побывать в числе безработных? Случилось и со мной горе такое и это было в стране, где изнурять себя скотским по характеру трудом считалось немалым успехом для рядового эмигранта! Признаться, жутковато было в первое время сознавать, что мой желудок обрекается разнузданности голода, но когда я с голодом столкнулся лицом к лицу, мое настроение как то стабилизировалось. Так уже построена душа человеческая, что больше ее смущает неведомое грядущее, чем изведенное настоящее, пускай самое неприглядное... Отвратительное состояние испытываешь, когда квартира еще не оплачена и хозяйка на тебя смотрит глазами рыси, гнезду которой угрожает опасность. Но в тысячу раз тягостнее сознавать себя лишним в этой, всегда суетливой, куда то стремящейся европейской толпе. Как будто на пожар бегут, или счастье внезапно свалилось им с неба, а потом раздумало и пустилось наутек... С горечью начинаешь понимать, что если для других время — деньги, то для тебя оно — ненужная „керенка“, случайно завалившаяся в пустых карманах.

Помню, был канун Нового Года. Рассеянно шел я по улице, а во чреве такое свирепое ворчание слышалось, что даже встречные псы, по европейски к людям равнодушные, подозрительно меня обнюхивали. Если в начале безработицы я оставался стойким и довольно энергично обивал пороги разных учреждений и предприятий, в надежде найти какой нибудь заработок, то сейчас, под гнетом неудач, моя смелость начала славать. Десять раз я подходил к той, или другой двери и десять раз уходил от нее, так и не решаясь взяться за ручку. Кончалось тем, что, разбитый физически и морально, причаливал я тихо к одному благотворительному заведению... за подачкой. Но, там меня уже знали лучше, нежели я сам себя и нередко встречали таким пулеметным приветом, что я мгновенно выкатывался за дверь совершенно без посторонней помощи.

Сегодня я был голоден и озлоблен, как всегда. Я видел вокруг себя оживленные лица и от этого еще тяжелее становилось у меня на душе. Ведь они собирались встречать Новый Год, а разве я мог принять участие в этой встрече? Да и Новый ли для меня наступает Год? Завтра, послезавтра, через неделю, через месяц — не тоже ли самое, что было сегодня, вчера, позавчера?.. И конец Старого и начало Нового Года

сливалось для меня в однообразную, тяжелую, нерадостную полосу безработицы. Все та же тревога за будущее, все те же заботы о еде, одежде и пристанище... Нет для эмигранта Нового Года! Для него существует мрачный период изгнания и ожидания...

А все же обидно, чорт возьми, что я не располагаю парой монет, чтобы поехать к одному седлаку, у которого я летом работал. Полюбился я ему и, когда мы расставались, он искренно, без городской фальши, пригласил меня к себе на праздники. Прошлый Новый, сейчас уже старый и умирающий Год, я ведь тоже был на чужбине и среди чужих людей, а праздники провел — дай Бог еще каждому захудалому беженцу так провести. Был и выпивончик и закусончик... И для души облегчение немалое — вырваться на время из завистливо душной, материалистически подлой, ненавидящей пролетарской среды и окунуться в простую, физически и морально здоровую хлеборобскую стихию. Ну, что-ж, не всегда коту и масленица.

Всего два дня перед этим я с треском был выставлен из прежней квартиры за хронический неплатеж. Я нашел себе квартиру подешевле у одной вдовы. Задаток ей внес, а остальное обещал уплатить к Новому Году. Мои расчеты не оправдались: старый Год, занятый спешной эвакуацией в Вечность, желанной суммы не принес, а Новый в своем величии и блеске разве снизойдет ко мне, бедному, оборванному эмигранту?

Понуру бреду домой. Пять часов. Все окуталось сумерками. Вдруг вижу: моя новая хозяйка, еще очень недурная женщина, вся сияя от внутренних волнений, идет об руку с каким то уже немолдым человеком. Одет он безукоризненно, только вид у него прикащичий и котелок слишком лихо сидит на голове... Не шофер ли? Ведь в Европе и министр и шофер одинаково могут быть в котелке... Она что то оживленно шепчет ему, а он благословитанно слушает, и жмутся они друг к дружке, как если бы хотели слиться в плоть едину... Мне не остается времени, чтобы уклониться от встречи и, поравнявшись с ними, я любезно раскланиваюсь. Моя хозяйка заметно смуглилась, отпрянула от своего кавалера и спрашивает меня:

— Идете домой?

— Да, домой — говорю.

— Так возьмите ключ... Только на замок не запирайтесь, а то мне пришлось бы стучать в окно и будить вас.

Моя хозяйка не первой свежести дама, но прелести ланит и задора очей еще не утратила и я несколько не удивляюсь, что встречаю ее в обществе мужчины. Я бы больше удивился, если бы она, при бесспорных данных, стала увлекаться аскетизмом...

Прихожу домой. Грязный, рабочий квартал. Пахнет коллективизмом и подпольем... Электричества в доме не водится, а спичек не могу найти. Остаюсь в темноте. „Нужно поскорее улечься, пока ее нет“, думаю. „По крайней мере на сегодня буду избавлен от ее надоедливых расспросов... А завтра постараюсь какнибудь хитроумно к ней подехать, чтобы еще повременила с платой“. Раздеваюсь, а на сердце — такая тоска! Ведь никто, вероятно, кроме меня не идет сегодня спать в 6 ч. вечера? До самого утра будут пить, есть, веселиться... Только в полночь начнется главное торжество — встреча Нового Года. Снаружи льются тягучие, плетейские звуки дешевой гармошки... Им весело, а мне даже весьма грустно.

— К чорту сантиментальность! — говорю со злостью, укладываясь в холодную, как моя скитальческая жизнь, постель, прикрываясь жиденьким одеялом и пальто поверх и стараясь уснуть. Я устал и спать мне хочется, но в желудке так бесжалостно сосет, что не могу забыть. Часы бьют половину. Семи уже не слышу...

Я дома. Приехал на святки из гимназии. Братишка смотрит на блестящие пуговицы моей форменной шинели почтительными, завистливыми глазами. Отец, глянув в мой отпускной билет, крепко тискает меня в объятиях: одни четверки и пятерки там. Мать хлопочет на кухне... Ах, какие вкусные вещи передо мною! Горы яств, батарея бутылок с винами и наливками... Посередине стола ваза с кутьей. Янтарными кажутся зерна пшеничные в патоке медовой... В углу комнаты под

Божницей — рождественский сноп. Под скатертью душистое сено. А как заманчиво смотрит из миски фаршированная щука, застывшая в холоде среди коричневых грибов! Так хочется есть, но терплю. Вот соберутся все и отец прочтет положенную молитву, тогда можно будет наворачивать...

Стук в дверь. Конечно, мама. Она знает, что я голоден. Но почему слышен крик? Кто это вздумал ругаться в такой торжественный момент? Вбегает вся побелевшая мать: — Сережа, папу убили... Большевики... Спасайся!.. Хочу двинуться, — не могу. Ноги приросли к полу. Волосы стоят щетиной на голове... Хочу кричать, но от ужаса голос у меня отняло. Врываются люди, свирепые, страшные, звероподобные... Град ударов падает на меня... Я умираю, но... просыпаюсь. Слышу собственный стон. Весь вспотел от кошмара... Что за навождение? Меня действительно кто то бьет и бьет не жалея, со всего плеча. Визгливый голос причитает:

— Вот тебе, бабник проклятый, — получаю! Порядочные люди праздник празднуют, а он здесь... Бесстыдник. Думаешь, что если под одеяло залез, то не найду тебя?..

Спросонья не сознаю, где я и что со мной. „Восстание... Революция... Красные...“ молнией пронесется в моем мозгу страшная мысль. — Жив я еще? Cogito, ergo sum — я мыслю, следовательно, я существую... Но, я несомненно парестану мыслить и существовать, если сию же минуту не замелькаю пятками...

Механически вслушиваюсь в смысл чужой речи:

... и ее негодницу отыщу! Волосы оборву, глаза выдарапаю, рожу в кровь исковыряю... Извела ты меня, развратница подлая! Своего мужа загнала в могилу, так теперь чужих ищешь?..

Разом осянет меня просветление: ну, конечно, семейная трагикомедия, достойная той среды, в которую я попал... Но, причем тут я, безобиднейший эмигрантский человек? Срываюсь с постели в одном белье и пытаюсь усвоить незнакому тиранку. Хочу схватить ее за руки, но в ответ получаю чувствительнейший удар по черепу. Бешенная ярость закипает во мне. Употребляю сильнейшее „родное слово“ и, как раненый вепрь, кидаюсь на нее. Как ребенка, комкаю ее в руках и швыряю на постель. Злоба еще бушует внутри. Хочется отомстить за свою боль и незаслуженную обиду. Сдавливаю ей плечи так, что кости трещат.

— Ай-ай! О-о-о-х — пронзительно взвизгивает она и в ее голосе я слышу боль, страх и изумление... Потом уткнувшись головой в подушку, она начинает рветь, нудно и тоскливо.

— Боже Милосердный, что я наделала, что я наделала! Чужой, незнакомый человек...

Я растерянно стою посередине комнаты. Через окно льется бледный свет от уличного фонаря... Мне становится жаль эту незнакому женщину. Я догадываюсь, что у нее какое то горе... Что она, быть может, еще несчастнее, нежели я, в своем одиночестве. Хочу подойти и утешить ее, но у меня пуговицы оборвались и кальсоны падают... Наскоро натягиваю на себя брюки и говорю ей:

— Мадам, здесь кажется, произошла прискорбная ошибка, жертвой которой стали: вы — активной, а я пассивной... Объясните мне, в чем дело? — и слыша, как болезненно она всхлипывает, я успокоительно добавляю:

— Ничего... Пустяки... Это бывает... Я на вас не сержусь...

— Вы русский? — спрашивает она меня.

— Казак, — отвечаю.

Она схватывается с постели, ловит мои руки и снова хнычет:

Простите меня... Простите меня... О, Боже, я такая несчастная!

— Успокойтесь... Ради себя самой успокойтесь! Не нужно плакать!

— Я вам все расскажу, все... Я такая несчастная...

— Мадам, — говорю ей, — моя хозяйка может возвратить каждую минуту. Что она подумает, если застанет вас здесь, да еще ночью?.. Я на вас не сер-

жусь, только ради Бога, уходите! Не извиняйтесь... Мне все уже понятно...

— Я страшно взволнована... Проводите меня отсюда.

— Набрасываю на себя пальто и выхожу с ней наружу. По дороге выясняется следующее: моя хозяйка хотя и вступила в балзаковский возраст, но была еще полна силы и огня... Осень имеет тоже свою прелесть и увядающая женщина тоже находит своих ценителей... В ее сети попался и муж моей ночной гостьи. Жена к нему еще не охладела и начала жестоко ревновать, но доказательств его измены у нее не было. Сегодня вечером услужливые соседки ей сообщили, что видели ее супруга вместе с моей хозяйкой. Молодая женщина, целый день занятая приготовлениями к встрече Нового Года, пришла в сильнейшее негодование. Вооружившись меглой, она побегала к дому своей предполагаемой соперницы. О том, что моя хозяйка взяла себе квартиру, она не знала. В темноте, видя какого то мужчину, входящего в ненавистный дом, она решила, что это ее муж. Ее подозрение перешло в уверенность когда в окнах не появлялся свет. Как фурия, ворвалась она внутрь и видя кого то на постели, приступила к экзекуции.

Вслушав ее исповедь, я от души расхохотался.

— А что будет, если я все это расскажу вашему мужу? — шутливо сказал я.

— Я вас очень прошу не делать этого... Мужа я не боюсь, так как уверена, что он ходит к этой мерзкой вдове, а она никогда мне не простит если узнает, что я вторглась среди ночи в ее дом. Я думала, что сегодня, наконец, накрою преступную парочку, а видите чем окончилось... Не скажете? Обещаете?

— Обещаю, обнадежил я ее, собираясь уходить.

— Еще раз прошу у вас прощения, — остановила она меня. — Отчасти и вы виноваты в том, что произошло. Почему вы так рано улеглись спать? Ведь сегодня канун Нового Года.

— Так что с того? В эмиграции мы лишены возможности праздники справлять, уклончиво отвечал я.

Неужели у вас нет никого, с кем бы вы могли провести этот вечер? полюбопытствовала она.

— Как видите...

— Бедный, мне вас так жаль... И нужно же, чтобы еще такой глупый случай подвернулся... Пойдите здесь минуточку, я сейчас приду, обратилась она ко мне после маленького колебания, бегом направляясь к дому.

Она снова вышла и вручила мне приличный сверток со словами:

— Это вам от меня... Мой муж тоже был когда то в России и плохо ему там не жилось... Мне бы очень хотелось, чтобы вы с ним познакомились... Быть может вам удастся повлиять на него. Я вас бы вознаградила...

Я пришел домой, благословляя небо за непредвиденный случай. Я присел к свертку и не отступился от него, пока он не опустел. Сел все до основания и крошками закусил. Уснул я, в тот вечер, примиренный с судьбой...

Утром, следующего дня я поздравил свою хозяйку с Новым Годом и пожелал ей много успехов... Она поблагодарила меня, но довольно сухо.

— А знаете, странный случай был со мной вчера, — начал я как бы невзначай. — Когда я проходил мимо одного дома, оттуда вышла какая то женщина и заинтересовалась, не бывает ли у вас ее муж...

Моя хозяйка снова смутилась, как накануне.

— А вы что ей сказали? — осторожно спрашивает она после некоторой заминки.

— Ничего... Сказал, что не знаю.

Наступило молчание. Я собираюсь уходить, но нарочно медлю с одеванием пальто.

— А вы сегодня где думаете обедать? слышу вкрадчивый вопрос.

— Я? Не знаю... Собственно говоря... А что?

— Да я хотела предложить вам пообедать у меня... Я сегодня никуда не иду и гостей не ожидаю, а вам, вероятно, тоже некуда пойти...

— Спасибо, но мне просто неудобно... За квартиру

вам еще не заплатил... Думал, что получу из дому деньги...

— Пустяки! ободряет она меня. — Заплатите, когда будете иметь. Я знаю, что у эмигрантов не всегда водятся деньги...

С редким и для моей хозяйки непонятным аппетитом пообедал я в тот день. Она была очаровательна и в рот мне не заглядывала. Желудок мой умилился и ликующее сердце пело: „Щедр и милостив Господь... сира и вдову примет“...

Ситуация сложилась так, что я имел возможность воспользоваться в тот день и ужином, но от природы я не нахал и ограничился одним обедом. Зато другая блестящая мысль пришла мне в голову: два виновника моего сытого новогоднего настроения использованы, почему не привлечь к акции и третьего? Но ведь это шантаж! скажут мне. Мудрствование лукавое! Я не шантажист, я просто безработный, нуждающийся эмигрант. К тому же на Западе шантажист всегда встретит предпочтение перед глупцом... Сказано — сделано. Вечером нарочно прохаживаюсь на путях к жилищу моей новой знакомой. Ждать мне долго не пришлось. Из дома вышел знакомый мне мужчина, расфранченный, подтянутый, в белых перчатках и с тросточкой... Настроение у него, повидимому, весьма эпикурейское... Я иду ему навстречу, делая вид, что куда то тороплюсь. Поравнялись. Он на меня смотрит и по его глазам вижу, что он меня узнал, но ждет, чтобы я первым поклонился. Я не намерен его приветствовать и он высокомерно проходит мимо. „Не сорвешься, голубок!“ — думаю себе и окликаю его. Он поворачивается в мою сторону. Его взгляд брезгливо останавливается на моей далеко не элегантной фигуре. Я мягко улыбаюсь, но твердо говорю:

— Простите, ради Бога, но я должен с вами поговорить... Видите ли, вчера меня встретила незнакомая женщина, судя по всему — ваша жена и спрашивала, относительно вас...

— Что спрашивала?

— Не видел ли я вас с моей хозяйкой... вместе.

— И вы сказали?

— Не сказал, но я вас совершенно не знаю и из любезности к даме мог сообщить ей правду...

Проницательным, изучающим взглядом он смотрит на меня. Он европеец и понимает, что в Европе ничего даром не делается...

— Вы сейчас свободны? спрашивает он меня.

— Как только может быть свободен безработный эмигрант, отвечаю развязно.

— Так зайдем на кружку пива... Быть может удастся договориться...

Зашли. Договорились. Подружились. Я обещал ему молчать, как мертвец. Он обещал мне найти какое нибудь занятие. Я пил мало, больше налегая на сестное, а он глушил один бокал за другим и быстро охмелел.

— А вы откуда изволите быть родом? — интересуется мой гоститель.

— С Дона.

— А, значит казак... Брат казак, камарад... Харашо... Я тоже немного по русски говорю... Знаешь, панимаешь...

Он ввернул российское трехсловие и гордо посмотрел на меня. Мне оставалось только улыбнуться.

Потом моего собутыльника совсем развезло и он обнаглед. Дыша мне в лицо пивным перегаром, он заплетающимся языком говорил:

— Э, что ваши казаки! Сброд и только... То ли дело наши королевские уланы. Вот где была лихая кавалерия! Помню, однажды окружила нас казачья сотня... Нас было всего двенадцать человек и сдаваться в плен мы боялись... Братцы, говорит наш бравый командир, монархия всегда гордилась нами... Мы всегда заставляли неприятеля дрожать... Покажем азиатам, что такое королевский улан. Если умирать, так с честью... Ура! Вперед! Как буря, обрушились мы на них... Нужно было видеть, как они удирали. Беспорядочно, враспынную, словно зайцы. Тридцать их мы зарубили, сорок в плен взяли, а остальным удалось бежать... Не войско, а...

— Слушай, камарад, — говорю ему, еле сдерживая свой гнев, — а ты знаешь, что такое значит „набить“?
 — Знаю... Как же не знать?.. — самодовольно восклицает он с видом героя. — Можно, например, набить обруч на бочку, или тюфяк соломой. Самому приходилось набивать, когда был в плену у вас...
 — И что такое морда, тоже понимаешь?
 — Это лицо у скотины...
 Так вот, что я тебе скажу: Наш язык ты, видимо, плохо усвоил, потому что набить можно не только борщ, или тюфяк, но и морду, а морда бывает не только

у скотов бессловесных, но и у говорящих, и если ты сию же минуту не перестанешь хамить, то я не ручаюсь, что не набью тебе морду...
 Он удивленно поднял на меня отяжелевшие глаза и кажется, понял, что я не шучу, потому что усиленно заерзал на стуле и виновато проговорил:
 Ну, не сердчай, камарад... Я сегодня лишнее выпил и потому лишнее говорю, а обидеть тебя ей-Богу же, не хотел... Верь мне, что не хотел... Ну, ничего, харашо... Ты только жене не слишком болтай... Увидишь, что найду тебе хорошее место...

Оксана Печениг. (Прага).

* *
 *

Я сплю, злим ворогом приспана царівна...
 Я сплю в старім дідівстві срібляному.
 Мої двори наміцно всі замкнені;
 Мої річки, ліси, поля і луги
 На віки-вічні начеб завмерли.
 Літа лежу на пуховій постелі я,

Так, ніби страшно хора.
 Навколо світить ніч чудна, неначе вся прозора;
 Стоїть без заходу, без сходу в небі місяць блідний.
 А лілії мої також, Бог знає, скільки сплять —
 Всі срібно-срібно білі...
 Віки я сплю, злим ворогом здоланая царівна...
 Хто-ж збудить, хто прийде сюди міцний і
 владний?
 Хто, хто життя внесе у царство це завмерле?

Я. Рудик. (Прага).

* * *

Вечір келих тиші несе;
 Фіміями ляє в груди;
 Дзвіном пісні б'є усюди;
 Вітром листя ніжно чеше.

Не обгорне тиші шовком
 Груди степу золотого;
 Стогнуть рани дорогого;
 Серед ночі виють вовком.

Лізе в травах запах трупу,
 Мов туману клуби сиві;
 Стільки їх лежить на ниві!...
 Хто знесе їх вже на купу?!

Не розбудять там, в могилі,
 Серед золота пшениці,
 Перезвони ніжні птиці
 Гори дужих скам'янілі.

Буря рве смарагди листя;
 Сльози ляють бідні віти;
 Наче плачуть любі діти,
 Що не мають вже намиста.

О, розбудять там, в могилі,
 Серед золота пшениці,
 Перезвони грізні криці
 Гори славних скам'янілі!

Константин Шариков.

ДОНСКИМ ОРЛЯТАМ.

Гордо, с бесстрашьем во взоре,
 Шли вы за Дон умирать, —
 С отчизны, томящейся в горе,
 Стараясь оковы сорвать...

Много легло вас на поле
 Юных еще, молодых...
 Родина ж все же в неволе!
 Слава вам! Стыд для живых!

Не служат по вас панихиды:
 Страх загасил „там“ огни...
 Здесь мы слагаем вам гимны
 В тяжкие, скорбные дни.

Носились рыдания над Доном
 Казачек — седых матерей,
 И степь похоронным звоном
 Встречала незванных гостей.

И жутко ползла меж курганов
 К станицам печальная весть,
 Что там, в тех осенних туманах,
 Лишь борются дети за честь.

Петр Закрепа. (Швейцария).

К ВОЛЬНОМУ ГРАДУ.

Вдаль уходят степные дороги,
 Пропадают в неведомой мгле...
 И бреду я печальный и строгий,
 Очарован в оявленном сне...

И в пути моем — тернии, стоны.

Но, душе моей странно легко,
 И — как благовест — дивные звоны,
 Чей то зов далеко... далеко...

И — как в мареве бледном тумана
 Чудный Град в небывалой красе, —
 Шумный гомон казачьего стана
 И воскресшая воля в стране.

И, несмолкшая долгой неволей,
 Бьет о берег речная волна,
 И о прошлом затихнувшей болью
 Вспоминает лишь песня одна!...

Вдаль уходят степные дороги,
 И намечена ясно — одна...
 И бреду я печальный и строгий,
 Но, в душе моей — песни... весна!

Путь Вольного Казачества.

Волею исторической судьбы Казачество только теперь (с 1917 г.) начинает снова осознавать себя равноправным членом среди славянских народов на Востоке Европы (б. Р. И., ныне СССР.) — великороссов, украинцев и белоруссов, равно как таким же равноправным „соседом“ и других народов — кавказских, среднеазиатских или сибирских, — тоже возрождающихся и стремящихся к своему политическому освобождению и государственной самостоятельности.

Силою исторических же обстоятельств освободительные и государственные задачи перед Казачеством стали раньше (1917 г.), чем оно политически к тому было готово. Практическому осуществлению этих задач не предшествовал широкий и всеобщий процесс культурного и национального возрождения. События 1917 и последующих годов застали Казачество на самой ранней заре его возрождения. До 1917 года Казачество почти не имело своей литературы; не было никакого общепризнанного (казаками) решения казачьего вопроса; казачья интеллигенция только нарождалась. Не по своей вине, но — к борьбе 1917—1920 годов Казачество пришло не подготовленным почти ни в каком отношении.

Поэтому, может быть, и казачья государственность „широко“ и „сразу“ родилась в 1917—18 г.г. скорее на моментах „отрицательных“, из-за нежелания принять советско-большевицкий государственный и социальный строй России (как и все почти народы б. Р., и казаки „мечтали“ в 1917 г. о российской федерации)...

Здесь именно и лежат настоящие причины неудач Казачества в недавней вооруженной борьбе его за свою свободу.

Потом уже в процессе борьбы начала создаваться и ясно формулироваться и положительная программа казачьей государственности.

Продолжать эту задачу и в эмиграции взяло на себя В. К., поставив Казачий Вопрос во всей его широте и во всем его объеме.

Вольно-казачье движение не есть только политическо-государственное движение Казачества, имеющее задачей освобождение Казачьих Земель и создание самостоятельного казачьего государства — Казакии, но, одновременно, и движение духовное, движение культурного и национального возрождения Казачества, начало формирования казачьей нации. Ибо ясно, что если будет такое возрождение, то тогда (и только тогда!) будет и Казакия — держава. Без этого может быть только уже бывшее недавно „впредь до“...

В силу сложившихся сейчас для Казачества политических условий там, дома, — пионером этой задачи, пионером Казачьего ренессанса и формулировщиком Казачьей Идеи и бескомпромиссной казачьей государственной программы может быть только казачья эмиграция.

Эту роль казачьей эмиграции прекрасно знает в.к. движение. К этой роли оно хотело бы и должно готовить всю казачью эмиграцию.

Зародившись как революционно - политическая организация с программой освобождения Казачьих Земель и создания независимого казачьего государства, — в.к. перешло в более широкое движение, поставившее себе задачи и национального возрождения Казачества. И правильно, ибо это — предпосылка казачьей государственности. И правильно, ибо на просторах нынешнего СССР перекраиваются не только границы государств, борются не только национальные и политические интересы, но и социальные и духовные миропонимания, — ломается и перестраивается вся жизнь.

Сейчас, вступая в четвертый год издания своего журнала и на пороге Нового Года мы попробуем еще раз остановить внимание наших читателей на основных вопросах программы В. К.

Весьма трудно бывает уложить национальные освободительные движения в сухие пункты и параграфы, — так же трудно, как трудно уложить в них самую жизнь. В таких случаях короткие формулировки программ бывают часто ярче и выпуклее. Казачью, например, программу можно выразить всего тремя словами: независимая держава Казакия.

И тем не менее, по крайней мере общая программа своего будущего, программа ясная и определенная, должна быть у каждого народа, который хочет жить и бороться за свою государственную самостоятельность.

Полная программа освободительного движения любого народа не родится в один день и в одной голове. Так и В. К. программа родилась не сразу, но, сейчас уже можно сказать, что за три года существования журнала „В. К.“ и дружной работы его сотрудников общую формулировку ее можно считать законченной. Что касается программных вопросов, то дальше остаются только детали.

Как же представляет себе в.к. движение свои основные цели и задачи? Какова историческая миссия В. К. в ближайшем будущем?

Для действительного успеха и верного достижения конечных целей в.к. движения, необходимо, как предпосылка всего, возрождение Казачества. Надо, разбудить у Казачества его национальное чувство. Надо, чтобы его политическое самосознание освободилось от всего наносного, чуждого, привитого ему веками русского господства. Надо, чтобы перед каждым казачьим взором во всей ее чистоте и повелительности предстала Казачья Идея, — чтобы она вошла в плоть и кровь, в мозг и сознание, в сердце и чувство казачье, — чтобы Казачий Вопрос стал для каждого казака своим вопросом, ясными понятным, само собою разумеющимся, в котором нет уступок и нет компромиссов ни со своей совестью, ни с внешним, чужим ми-

ром. Надо, чтобы каждым казачьим сердцем овладела воля к Свободе, к осуществлению своих идеалов. Надо, чтобы казак расправил снова свои орлиные крылья, чтобы он снова развернул свои духовные силы во всю их мощь и стал опять творцом своего настоящего и будущего, как он был когда то творцом своей доли в прошлом. И когда Казачество сольется в таком могучем, едином порыве к утверждению своего национального я, — тогда начнется подлинный расцвет казачьей эпохи ренессанса, тогда Казачеству будет доступно и по силам всякое решение своего вопроса.

Возрождение Казачества должно не только предшествовать, но и сопутствовать всей его дальнейшей освободительной борьбе. Это оно будет питать и одухотворять казачьи силы во время будущей борьбы. Только творческий порыв и романтизм возрождения смогут поддерживать силы Казачества при осуществлении им своих политических и государственных задач будущего. А сил этих потребуется много. Борьба за освобождение потребует полного напряжения всех сил Казачества, моральных и физических.

Но, сейчас уже надо думать и о том, что делать „на второй день после освобождения“. Нельзя этого вопроса откладывать до дня осуществления освобождения. Думать много и долго тогда будет поздно, — тогда придется действовать. А задачи будут огромные: государственная организация каждого Края; создание Казакии: ее Конституции и организация государственной власти, решение пограничных вопросов и установление взаимоотношений с соседями. Только когда государственная машина Казакии заработает нормальным ходом, только тогда основная и первая общая задача вольно-казачьего движения будет закончена и В. К. реформируется в партию или партии для участия во внутреннем государственном строительстве Казачьей Державы.

Итак: первой задачей В. К. является освобождение всех Земель Европейского Казачества: Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Яицкого (Уральского) и Оренбургского и Земель Калмыцкого и других степных или горских народов, живущих между или на территориях перечисленных Казачьих Краев (Войск, Облостей), из под власти и государственной зависимости СССР и РСФСР и их возможного наследника или наследников. Вторая задача — создание казачьего государства — Казакии.

Как же В. К. мыслит себе путь создания Казакии? Иначе — что делать Казачеству на второй день после освобождения? — Ясно, что немедленно же после освобождения каждый Казачий Край (Земля, Область, Войско) и Калмыцкая Автономная Область созывают свои В. Круги (Раду, Хурулдан).

Возникает вопрос: из кого созывать Круги и Раду — только ли из казаков или из состава

всего населения, которое предполагается считать потом полноправными гражданами будущей Казакии? Мы думаем, что этот вопрос, в интересах Казачьей Державы, Казачества и иногороднего населения Казачьих Земель, надо решать один раз и решать радикально. Надо все старое, коренное иногороднее население уже теперь считать, наравне с казаками, гражданами (равные права и равные обязанности перед своим государством) будущей Казакии. Таким образом, по нашему, Войсковые Круги (Рада, Хурулдан) должны будут быть созданы из казачьего и остального коренного населения Казачьих Земель.

Мы предлагаем (конкретно) под коренным населением, кроме казаков, понимать крестьян и иногородних, равно и горожан, живших на казачьих территориях (в казачьих областях и краях) до 1919 года включительно не менее двух лет непрерывно. Само собою разумеется, что сюда же относятся: горцы на Кубани, калмыки на Дону и др. меньшие народы из состава населения Казачьих Земель. Таким решением были бы лишены прав гражданства все „гастролиеры“ казачье-большевицкой войны и „колонизаторы“ периода советской оккупации. Все же остальное население было бы „оказачено“, т. е. сделалось бы полноправным гражданами казачьего государства.

Созванные Круги, Рада и Хурулдан (Калмыцкий Круг), установят каждый у себя свою власть, выберут из своей среды депутатов и пошлют их в Верховный Круг Казакии.

Первый Верховный Круг Казакии (Учредительное Собрание Казакии) примет Конституцию Казакии (основные государственные законы) и, согласно принятой Конституции, организует государственную власть Казачьей Державы. Очевидно, что дальнейшая государственная и административная организация Казакии проводится согласно будущей Конституции.

Каковы границы будущего казачьего государства? — Мы, в. к., границы Казакии представляем себе так: на западе и юге: границы между В. В. Д. и Украиной 1919 г.; от точки где эта граница упирается в Азовское море (выше Мариуполя), — посредине Азовского моря к середине Керченского пролива; Черное море; граница с Грузией у Гагр; далее по старой административной границе Кубанской области к границам Терской области и далее к р. Терек; общее направление границы идет далее р. Терек; необходимые детали и исправления границ между Тереком и Горской Республикой (на основании этнографического принципа) могут быть произведены соглашением между Правительствами будущей Казакии и будущей Горской Республики, если до этого не состоится непосредственного соглашения и пограничного размежевания между Тереком и Горцами. Далее — от южной точки границы на побережье Каспийского моря к северо-восточным берегам этого моря. Граница на востоке идет (приблизитель-

но) по р. Эмбе. Необходимые исправления — по соглашению с Киргиз-казаками. От р. Эмбы — к р. Ор и по Ор к границам Оренбургского казачьего Войска. Далее — границами Оренбургского к. Войска на север, потом на запад и юго-запад к границам Яицкого (Уральского) Войска; по границам сего последнего — к границам б. Астраханской губ. и потом — на запад к Волге и к северным границам В. В. Д.

Что касается государственного строя, то с нашей точки зрения наилучшим государственным строем казачьего государства может быть федерация (союзное государство). Этот строй обеспечил бы, с одной стороны, самобытность и в некоторых отношениях самостоятельность каждому Краю, Войску или народу, а с другой — мог бы гарантировать сильную организацию самого государства и центральной (федеральной) власти.

Федеральные единицы — Штаты — устанавливает (окончательно) Конституция Казакии (первый Верховный Круг Казакии). До этого такими могут считаться, очевидно, шесть Казачьих Земель и Калмыцкая Авт. Область. Что касается Ставропольской губернии, то она могла бы выступить как самостоятельный Штат или, по своему желанию и соглашению с одним или двумя соседними казачьими Краями, войти в состав сего или сих последних.

Не будем говорить сейчас о компетенции федеральной государственной власти Казакии. Этот вопрос подробно будет решен в нашем проекте Конституции Казакии, о котором будем говорить позже.

Точно также не будем касаться здесь и деталей государственного строя Казакии, об этом — тоже после, но для нас является несомненным, что в основу политического и административного государственного устройства Казакии должен быть положен принцип демократический.

В национальном вопросе мы признаем принцип равенства основных национальностей Казакии в области национального и культурного развития.

Большой вопрос — вопрос экономической программы, программы не только хозяйственного восстановления наших Земель после большевицкой оккупации, но и программы будущего экономического развития Казачьей Державы. Этим вопросам следует посвятить особое место и особое внимание. Сейчас же ограничимся основным — самым общим утверждением: в основу народно-хозяйственной жизни Казакии дол-

жно быть положено право частной собственности. Если теперешний мир в социально-экономическом отношении поделить на два враждующих лагеря: с одной стороны — мир „буржуазный“, „капиталистический“, а с другой — „советско-коммунистический“ или „социалистический“, то мы выбираем первый. Без частной инициативы и права собственности человека на продукты своего труда невозможно хозяйственное развитие и процветание никакой страны.

Еще один „колючий“ для нас, казаков, вопрос следует здесь затронуть. Это — вопрос земельный в Казачьих Областях. Затронуть не для того, чтобы решать его сейчас так или иначе, а с исключительной целью лишней раз подчеркнуть наше общее решение еще более конкретного вопроса — вопроса иногороднего. По нашему, решение иногороднего вопроса только тогда будет окончательным, т. е. внутренний мир в Казачьих Землях только тогда будет обеспечен, когда иногородние, помимо равенства с казаками в политических и др. правах (и обязанностях, конечно), получают от казаков признание и одинакового права на землю. Опять таки, не будем касаться в данный момент деталей этого большого и ответственного вопроса, т. к. очевидно, что все вопросы землевладения и землепользования будет решать каждая федеральная единица — Штат — самостоятельно (за исключением вопросов внутренней колонизации, которые будут принадлежать скорее власти федеральной).

Затронутые вопросы — основные вопросы. Если они будут решены, тем более будут решены потом вопросы меньшего калибра.

Такова общая, „перспективная“ программа В. К.

По силам ли эта программа Казачеству? — Мы отвечаем, что да. Но, мы совершенно не заблуждаемся, что поднять ее на свои плечи Казачество может только общими, объединенными силами всех своих сынов. Нужно не только качество — высокая квалификация духа, которую может дать Казачеству здоровый романтизм возрождения, но и количество. Чужие задачи в прошлой своей истории Казачество брало иногда на свои плечи довольно дружно. Мы глубоко уверены, что строительство своего государства нисколько не труднее, чем служение государству чужому. Нужно немного только веры в себя и в правоту своего дела. Поэтому, кто верит в творческие силы Казачества, тому место — в рядах В. К.

Внимание казаков предлагаем следующее место из недавней речи П. Н. Милюкова в Праге („П. Н.“ от 2 января 1931 г. № 3572):

„Оратор (т. е. Милюков) призывал к бережному и внимательному отношению к национальностям России. Повидимому, позиция национальностей будет играть большую роль в момент падения советской власти. Вероятно, окраины сорганизуются первыми.

Русское общество должно найти общий язык с национальностями, от этого зависит в огромной степени путь, которым пойдет возрождение России...“

— Имеющие уши, да слышат. А казакам особенно надо подумать над тем, что это значит. И сделать свои выводы.

А. Ленивов.

Азовское Казачье Войско.

(Исторический очерк).

История настоящего Войска, несмотря на всю содер­жательность, характерность возникновения и после­дующий период существования, весьма мало в свое время подверглась изучению со стороны историков, благодаря чему в настоящее время и предана совер­шенному забвению.

„Благоприятствующим“ к тому обстоятельством является и абсолютное отсутствие за границей матери­алов по истории Азовского Казачьего Войска, а равно и систематически проводимое большевиками повсемест­ное уничтожение печатных трудов в изданиях дорево­люционного времени.

1833 год положено считать официальной хроноло­гической датой образования Азовского Войска; факти­чески же оно Войско зародилось в 1828 году, каковой год и надо полагать годом старшинства (образования) Войска. Первая дата (1833 год) приводимая нами, опре­деляет в юридическом отношении только формальный момент утверждения и узаконения указываемого Войска со стороны русского правительства.

Основоположниками Азовского Казачьего Войска являются запорожцы Задунайской Сечи и казаки Вели­кого Войска Кубанского, возвратившиеся в пределы России из Турции в 1828 году.

Незадолго перед началом русско-турецкой войны 1828-29 гг., русское правительство, принимая в расчет некоторые соображения, круто изменило свой образ действий по отношению к запорожцам Задунайской Сечи, находившимся в Турции со времен 1775 года (раз­гром Запорожской Сечи). Перемена курса политики по отношению к задунайским запорожцам выявилась в том, что русское правительство, санкционируя восста­новление их в правах отнятых у них в 1775 году, пред­ложило им покинуть пределы Турции и возвратиться в Россию. Подобное предложение, однако, не произвело должного впечатления на казачью массу, а скорее даже вызвало обратное действие.

Систематическое ограничение казачьих вольностей, проводимое высшей государственной властью в 90-х годах XVIII и начале XIX ст. ст., не являлось безвест­ным для запорожских казаков, пребывавших за Ду­наем.

Казнь в 1800 году в Черкасске гвардии полковника Евграфа Грузинова, преданного суду за выражение не­довольства в отношении раздачи войсковых земель грекам и армянам; заключение в том-же году в тюрь­му пол. М. И. Платова, обвиненного в сепаратизме; подчинение в 1797 году Сенату ведения гражданских дел на Дону; введение прокуратуры; ограничение роли Войскового Круга, сведшейся в 1810 году к военной це­ремонии, имевшей место один раз в году и т. д.

Так обстояло дело на Дону, не иначе было и на Кубани — упразднение Войсковой Рады, назначение свыше Войсковых наказных Атаманов в Черноморском Войске, раздача войсковых земель в частную собствен­ность и т. д.

Главным-же фактором воздействия на умы и на­строения задунайских запорожцев, в смысле проявления резко отрицательного отношения к предложению русского правительства возвратиться в Россию, нуж­но считать появление на Дунае Черноморских казаков, бежавших с Кубани в 1797 году, после подавления в Екатеринодаре т. н. „Персидского бунта“, когда 174 казака были приговорены к смертной казни, а 60 (из них 55 умерло в тюрьме до ссылки) к битью кнутом, вырезыванию ноздрей и ссылке на галеры на вечные работы.

Кошевым Атаманом Задунайской Сечи в описывае­мый период был Осип Бондарь-Гладкий, в 1827 году избранный в Атаманы, как раз перед самым началом русско-турецкой войны 1828-29 гг.

Гладкий, не в пример прочим задунайцам, отнесся к предложению вернуться в Россию весьма благожа­лательно. Действуя совершенно самостоятельно, он во-

шел в переговоры с эmissарами русского правитель­ства, находившимися в Болградско-Измаильском райо­не и, получив от них соответствующие инструкции и указания, стал деятельно подготавливать переход на русскую сторону, заранее выговаривая амнистию для желающих возвратиться в Россию задунайских запорожцев. Ярыми сторонниками Гладкого в проведении это­го плана явились только семейные казаки; масса-же, состоявшая из матерых сечевиков-холостяков, держалась крайне враждебно. Это обстоятельство отнюдь не обезкуражило Гладкого, не желавшего считаться с их мнением и решившего попросту поставить их перед фактом возвращения в Россию, тем более, что обста­новка складывалась, как нельзя более благоприятно для выполнения замыслов Гладкого.

Лихорадочная подготовка Турции к войне с Рос­сией существенным образом затронула и интересы За­дунайской Сечи, ибо султан отдал распоряжение о вы­сылке 13.000 запорожцев из Сечи в крепость Силистрию. Это приказание не было исполнено, ибо Задунайские запорожцы, хотя и не желали возвращаться в Рос­сию, но тем не менее и не желали воевать против нее, вследствие чего и разбежались по Дунайским плавням, где и скрылись в камышах.

Это обстоятельство было весьма на руку Гладко­му, стремившемуся удалить из Сечи всех казаков, несогласных с ним. Руководясь подобными соображения­ми, он собрал из находившихся в Сечи запорожцев отряд силою в 2000 бойцов, причем в этот отряд по­пали казаки, стоявшие против возвращения в Россию. Сформировав отряд, Гладкий отдал распоряжение об отправке этого отряда в Силистрию, в распоряжение коменданта крепости. Детально разработанный и тща­тельно проводимый в жизнь план, чуть не потерпел было фиаско благодаря тому, что запорожцы потре­бовали, чтобы с ними, по установившемуся обычаю, шел и их Кошевой Атаман. Скрепя сердце, Гладкий должен был признать доводы казаков вполне резон­ными и, сообразно этому, принужден был возглавить поход.

Недоходя, однако, до Силистрии, Гладкий покинул казаков и возвратился в Дунаевец (главный стан Заду­найской Сечи), якобы для формирования новых каза­чьих отрядов. Вернувшись в Сечь, он тайно погрузил на баркасы Войсковые знамена и регалии, престол из Сечевой церкви, кое-что из войскового имуще­ства и с 200 своих сторонников двинулся в путь.

Необходимо особо отметить, что в состав Войско­вых клейнодов (регалий), увезенных Гладким, входили — жалованные турецким султаном Задунайской Сечи: булава, бунчук, печать и знамя, на одной стороне ко­его был изображен серебряный полумесяц, на дру­гой золотой крест. Это знамя было Константинополь­ским патриархом освящено и только потом уже было передано турецким султаном задунайским запорожцам. При своем отъезде, Гладкий взял из Сечевой цер­кви образ Покрова Пресвятыя Богородицы, особо чтимой сечевиками-запорожцами. На образе этом вверху была изображена Богоматерь, благословляющая запорожских казаков. Характерно то, что на этом образе запорожцы были представлены иконописцем в полном вооружении средь Войсковых регалий и знамен.

Морской поход к русским берегам обошелся без всяких злоключений для Гладкого и его 200 казаков единомышленников, значительно возросших в своем числе, ибо по дороге в Дунайских гирлах Гладкий со­брал еще до 300 казаков, скрывавшихся в камышах.

10 мая 1828 года, флотилия (42 баркаса) с бежав­шими задунайскими запорожцами подошла к русскому берегу около г. Измаила, коменданту коего и предста­вился Гладкий, как перебежчик с турецкой стороны. В Измаиле в это время находился Николай I, который принял как Гладкого, так и депутацию от вернувшихся запорожцев, вручивших ему при этом все вызенные

из Дунаевца Войсковые клейноды и регалии Задунайской Сечи.

„Бог вас простит, отчизна прощает и я прощаю. Я знаю, что вы за люди“ — подлинные слова Николая I, обращенные к возвратившимся запорожцам. Амнистия испрошенная Гладким у русского правительства для вернувшихся, была, таким образом, полностью получена; сам Гладкий был произведен в чин полковника, получив при этом в вечное владение богатое имение.

Появление задунайских запорожцев в русском стане было как нельзя более использовано высшим военным командованием, только что отдавшим приказ о переходе р. Дунай для занятия турецкого берега. И действительно, запорожцы во главе с Гладким, идеально знавшие окружающую местность, провели русские войска по только им одним известной сохранившейся дамбе. Вслед за этим Гладкий лично перевез в лодке через Дунай на турецкую сторону и самого Николая I.

Получив от Николая I прощение, вернувшиеся запорожцы почти поголовно приняли участие в войне с Турцией. Во время этой войны б. Кошевой Атаман Задунайской Сечи Осип Бондарь-Гладкий, пребывавший все время во главе войсковых соединений, сформированных из возвратившихся запорожцев и укомплектованных из рядов местного населения, был произведен в чин генерал-майора.

По окончании русско-турецкой войны, из задунайских запорожцев было создано Дунайское Войско, с определением ему местопоселения в Екатеринославской губернии. Подобное мероприятие, совершенное русским правительством, пришлось не по душе задунайским запорожцам, решившим войти в состав Черноморского Войска. Правительство, вынужденное считаться с этим решением, отвело задунайцам около г. Анапы землю для поселения, где, по прибытии на место, им надлежало влиться в состав Черноморского Войска.

Закулисные действия Гладкого изменили в корне ход дела и вместо размещения на Черноморском побережье, задунайцы были поселены между г. г. Бердянском и Мариуполем на т. н. Бердянской пустоши, приписанной к Мариупольскому округу, Екатеринославской губ., куда они и прибыли в октябре 1830 года. Здесь из них было образовано Азовское Казачье Войско, конфирмация (утверждение) коего со стороны правительства и состоялась в 1833 году. Несколько позже Войско пополнилось включением в его состав крестьянской слободы Петровской и сравнительно немногочисленной группы казаков Великого Войска Кубанского, вернувшихся из Турции.

Генерал-майор Бондарь-Гладкий был первым наказным Атаманом Азовского казачьего Войска. Добившись этого положения, он превратился в какого-то сатрапа, перестав совершенно интересоваться положением казаков. Подобное состояние, естественно, не могло долго длиться и действительно вскоре начались волнения среди казаков, а потом появились и беглецы из Войска обратно в Турцию.

В 1837 году в Войске было сформировано 10 ко-

манд, каждая в составе 1 хорунжего, 1 урядника и 20 казаков. Эти команды были отправлены для несения охранной службы на Черноморском побережье. Подобные же команды, составленные из азовских казаков, находились и на побережье Азовского моря. Главной их обязанностью являлась борьба с турецкими морскими пиратами. Азовские казаки отлично исполняли, как сторожевую, так и боевую службу, что и было отмечено в приказах. Уже в конце 40-х годов, часть Азовских казаков была переведена на Черноморское побережье.

В 1851 году Бондарь-Гладкий был смещен с должности наказного Атамана Азовского Войска и уволен в отставку; умер он в 1866 году в г. Александровске на Днепре.

После его смерти, и. д. наказного Атамана был назначен полковник Кухаренко, окружной штаб-офицер Ейского военного округа. Благодаря уменью и известному такту Я. Г. Кухаренко, в Азовском Войске скоро нагнулся порядок, но сравнительно на короткий промежуток времени, ибо полковник Кухаренко уже в 1852 году получил более высокое назначение (и. д. наказного Атамана Черноморского Войска) и поэтому принужден был покинуть Азовское Войско.

Не задолго до начала Крымской кампании, русским командованием были уничтожены все прибрежные крепости на Черноморском побережье, за исключением Анапы и Новороссийска. Сообразно этому кончилась и служба находившихся на побережье команд азовских казаков, которые и возвратились в Войско.

В Крымскую кампанию 1853-4-5-6 гг. оборона побережья Черного и Азовского морей была возложена на Донских, Черноморских и Азовских казаков, общее командование над коими было вверено наказному Атаману Донского Войска ген. Хомутову.

После этой неудачной для России войны, в Азовском Войске начались крупные беспорядки в виду того, что со стороны правительства последовало распоряжение о переселении Азовских казаков на Кубань. На этой почве произошли большие беспорядки, подавленные силой оружия: беспорядки явились прямым следствием политики правительства по отношению к Азовским казакам, которые при своем переселении на Кубань претендовали на расселение их в одном районе, каковое обстоятельство не являлось благожелательным для правительства. Все-таки в конце концов правительство пошло на уступки и Азовские казаки были переселяемы целыми станицами.

Указом о расформировании от 11 октября 1865 года Азовское Казачье Войско прекратило свое существование. Таким образом, к началу 1866 года большая часть (1000 семей) Азовских казаков с Войсковыми знаменами и регалиями была переведена как в Анапский район, так и за Кубань, и влита в состав вновь образованного Кубанского казачьего Войска.

На этом и закончилась история Азовского Войска, существовавшего 32 года (1833-1865).

П. И. Кокунько.

Наше прошлое.

(Продолжение).

За все эти способы насаждения дисциплины, граничащие с простым издевательством, рядовое казачество заплатило неприязненным отношением к офицерам, глубоко затаив в душе чувство враждебности к ним. Оказывая все знаки чинопочитания своим офицерам, рядовое казачество душою далеко отстояло от них, не стесняясь иногда между собою делать ему довольно обидную оценку, как например: „на плечах у них блестит, а в головах свистит“ и пр. С другой стороны и офицерство, часть которого была совершенно чужда казачеству, относилось к последнему свысока, третируя его, как простого рядового армейского солдата. Утрачилась та общность духа, так сказать, родственная связь,

которая дает возможность понимать друг друга и в критическую минуту вызвать и самопожертвование.

Эта рознь имела еще и другое последствие: казак переставал любить службу. В сущности говоря, казак никогда не служил и такого термина у казаков не существовало, — казак никогда и никому не был слугой. Под словом „служба“ он подразумевал солдата и из вежливости прибавлял к нему слово „господа“; так и обращались к солдатам: „господа служба“, хотя бы перед ним стоял один человек. Это „вы“ не означало какого-то особенного уважения или почтения, а звучало скорее иронически; обращение на ты у казака означало более близкое, так сказать, родственное отно-

шение и в былое время с ним он обращался даже к своим старшинам, прибавляя слово „пане“ или „батько“.

Трудно определить время, когда появился термин „служить“. Можно сказать только то, что в официальных сношениях и среди старшины он явился раньше, но в общежитии, среди казаков черноморцев, еще в 60-тых годах прошлого столетия вместо него употреблялось слово — „козакувать“. И слово казак не означало принадлежности к сословию. Название это уже давалось тому, кто приобретал полное право гражданства, т. е. „служилому классу“. Скажите, например, кому либо, что его сын казак, когда он только подросток, он обязательно поправит, что „еще не козак, а тільки парубок, йому ще років через два козакувати“, т. е. идти на службу. Понятие „козак“ заключало в себе уже что-то почтенное, которое и на станичном сборе давало ему право голоса.

В „козаковании“ казак видел уже нечто почетное для себя. В самом термине не заключалось ничего, напоминающего ему о принуждении, наоборот, в этом термине как бы выражалась свобода выбора. Он шел не служить, а осуществлять на деле свое давнее желание, может быть, свои детские мечты. С малых лет, слушая рассказы отцов и дедов, вспоминающих „дни, где вместе рубились они“, детские сердца трепетали от жажды будущих подвигов. С замиранием сердца слушала молодежь о подвигах своих отцов, при чем назывались имена не неведомых каких-то богатырей, а тех, которые жили с ними, которых они знали здесь, у себя в станице, а может быть и в соседней станице или хуторе; с детского возраста они привыкли относиться к ним с уважением и оказывать им должное почтение. В этих беседах не утаивались и отрицательные черты службы или козакования. Критика была полная и беспристрастная, потому что дело шло о прошлом между людьми, не опасавшимися за ее последствия, она была и беспристрастна и потому, что всегда мог найтись человек, который мог указать на отклонение от истины рассказчика, вследствие личных его отношений.

На таких началах основалось среди казаков то чинопочитание, которое в армии насаждалось принудительными мерами; это были и дисциплина и чинопочитание сознательные; не вследствие принуждения принимались они и не насильно сохранялись; с малых лет они зарождались и росли, поэтому повиновение старшим и почтение к ним было как бы исключительным, и в глазах казака не заключало в себе ничего обидного, унижающего — он подчинялся не лицу, но тому делу, для которого он пришел. Его не брали на службу, он сам шел козакувать. Казак служил не лицу, а делу, в котором требовались и опыт и знание; служил не по принуждению, а свободно, по своей воле.

Хотя свобода эта и была иллюзорна, но она тешила его душу, например, в своих рассказах, он говорил: „Мы пошли брать аул Какуриновский“ или: „Мы пошли на новую стоянку“. Тогда как, рассказывая о регулярных частях, он употреблял иные выражения: „Их погнало брать аул Какуриновский“ или: „Их погнало на новую стоянку“. Этим он, как бы оттенял разницу в служебном положении казака и солдата. В то время, как казак совершает известное действие сознательно, понимая положение и требование необходимости, солдат бессознательно исполняет только приказание и требование выше. Казак козакует, а солдат служит. Вследствие этого казак смотрел на солдата сверху вниз. В этом его поддерживало и то, что он служил на всем своем. Хорошо, если его иногда накармат на казенный счет, тогда как солдату давалось все казенное.

С этой психологией казака армейское начальство не хотело считаться, или не понимало ее, требуя и от казака соблюдения всех мелочей повседневной жизни по уставу. Эти требования для казака были иногда просто непонятны. Генерал Жуков, например, мне рассказывал такой случай: когда он был еще молодым сотником и заведывал участком кордонной линии, приехал к нему один из штаб офицеров пехотного полка, посланный ознакомиться с положением на линии. При объезде участка к ним подскочил казак с докладом о том, что со следующего поста замечены одинокие всад-

ники горцев. Штаб офицер, выслушав доклад, огоршился его вопросом:

— „А это у тебя что?“ и указал на рукав его черески.

Казак в недоумении вытаращил на него глаза. — Я спрашиваю, что это у тебя? уже более грозно послышался вопрос.

— Де? ответил вопросом казак.

— На рукаве, не слышишь разве?

— Оце? — спросил казак, указывая на дыру на рукаве, которую быть может раньше он и не заметил вполыхах.

— Да, это!

— А порвата.

— То-то порвата, а зашить не нужно?

— Так точно нужно.

Тем дело и кончилось, а казак остался в недоумении, что начальство обратило внимание на пустяки, а не на его доклад.

Что же удивительного, что в понятии казака складывалось довольно неместное мнение об армейских чинах, вроде такого, например: „чорт його зна, шо воно за люде, ота сіпа! Ти йому про діло кажеш, а він тобі замість відповіді, — „чого ти стоїш розсорякою і пальці ростопирив! Йому діло кажеш, а він тобі пустяковину!“

Для казака, почти всю жизнь находящегося в боевой обстановке, конечно, казалось все это „пустяковиной“. Как охотник отдаст все свое внимание на преследование дичи, пренебрегая всем, так и казак, все, не относящееся к его главной цели, — преследованию врага, считает „пустяковиной“. Разница только в том, что второго дичь много серьезнее и опаснее, чем у первого. Психология — одна и та же у обоих и есть охотники, которые предпочитают охоту именно на более опасную для жизни дичь и любят ее. Так и казак любит свою боевую жизнь, весь отдается ей, сознавая, что он спасает от опасности не только свое имущество, семью, но и родину. Вся его жизнь, вся история его протекла в боевой опасности. Рабство или свобода?! — и он стеной стоял за последнее.

Так было и на Кубани. Враг был под боком, его хозяйство было под постоянной угрозой, его семье угрожала потеря жизни в лучшем случае, в худшем — плен и продажа в рабство, и он считал высшим своим долгом стать на защиту их, охотно шел на службу и любил подвиги на благо своей родины, любил все, что относилось к его боевой жизни, любил оружие, коня, щеголял ими, но ненавидел все, что ограничивало его свободу, что носило тень принуждения, так как все, что нужно для дела, он сам знал и исполнял охотно, с любовью и увлечением. За ошибки и промахи терпеливо выслушивал наставление, и без злобы воспринимал отеческие „внушения“ за небрежность и нерадение, сознавая свою вину. Бывали, конечно, эксцессы, как и везде и всюду, но они подвергались осуждению всего казачества не только на службе, но и дома, в станице, — виновника обходили выборами на почетные должности, считая его плохим казаком. Не ставило оно в вину начальству, если оно казака подвергало иногда довольно не шуточным взысканиям, понимая, что это делается для общей пользы; наоборот, оно с пренебрежением относилось к слабovolным и через меру снисходительным начальникам. Воспевая подвиги своего героя, генерала Бабича, который для кубанцев то же, что для донцов Бакланов, кубанцы поют:

Как заставит Бабич бить,

С плеч рубашечка летит.

Сознавая, что такое наказание Бабич даром не сделает, но воздаст по заслугам, не шутя. Конечно, казаки считали такие суровые меры уместными только за проступки против боевых требований, а не за то, что они называли „пустяковиной“.

Так было давно. Кавказская война была в полном разгаре. Но уже и в это время, начались попытки со стороны неказачьего начальства „упорядочить“ службу казака с их точки зрения, т. е. начали обращать внимание на разные „пустяковины“ с точки зрения казака. В первых главах этого очерка указан путь, каким шло это „упорядочение“. Кончилась война. Казалось бы, что

должно наступить громадное облегчение в службе казака, хотя бы уже потому, что с ней миновала опасность для жизни, но на деле оказалось совершенно обратное и казак охладил к ней. В мирной „подготовке“ он не нашел смысла или, лучше сказать, не понял ее. Вместо приемов, напоминающих ему будущую его деятельность в военное время, он встретил только то, что служило по его мнению, для утешения и забавы начальства. Забыли слова великана учителя: „Парады... Разводы... Большое к себе уважение. Обернется — шляпы долой! Помилуй Бог!.. Да, и это нужно, да во время. А нужнее то — это знать, как вести войну, уметь расчесть, уметь не дать себя в обман, знать местность, уметь бить. А битым быть — не мудрено“. Это именно то, что нужно было для казака, а взамен этого заня-

лись тем, что он называл „пустяковиной“. И казак потерял любовь к службе, так как ему предстояло уже не козакувать, а служить, т. е. быть на послугах у начальства не видя результата того дела, для которого по его мнению, он оставил все.

Он увидел себя в положении солдата, к которому ранее относился свысока, и лет через 10 он уже тяготился службой, мечтая о вольной жизни в станице, а еще через 20 топтали его по спинам „веселые“ командиры, которых в душе он, если не ненавидел, то считал чуждыми себе и относился неприязненно.

Таков результат старания добиться от казаков уставной дисциплины и чинопочитания — ослабление любви к службе и отчуждение от начальства.

(Продолжение следует).

В. П. Елисеев (В. Петров).

„Белое окружение“.

(Окончание).

II. „Капитан Копейкин“.

Хутор Кумской был взят. Но из шести сотен нашего полка едва удалось скомплектовать только три. Убыль офицеров была тоже колоссальная. Некоторые сотни остались совершенно без офицеров, как, например, четвертая сотня, в которой выбыли из строя все офицеры, вместе с командиром сотни, п-есаулом Молчевским. В нашей (первой) сотне уцелел только один командир сотни, п-есаул Дукмасов. Командиры 2 и 3 сотен из-за ранения тоже выбыли из строя. Не больше, как в полчаса, потеряли ровно половину того, что с такой силой и энергией создали в течение четырех месяцев. Молодая Армия при начале своего боевого крещения уже успела показать, чего она стоит... Но эта „стоимость“ пылких орлят Молодой Армии, ради „своего долга“ перед „их Отечеством“ объясняется их полнейшим доверием, безоговорочной преданностью своим руководителям — учителям. Перед их глазами лучезарным маяком горел их „долг службы“. Кроме него для них в их воображении ничего не существовало. И они с своими чистыми, по-детски доверчивыми сердцами и следовали этому „долгу службы“. Следовали, как ученики Иисуса Христа за Христом, забыв про все и „оставив все“. Следовали, веря и надеясь на своих старших, кому была вручена судьба Родного Края. Передали и свою судьбу и свою молодую жизнь в руки своих руководителей.

Станица Н. Чирская. Капитальное здание реального училища — госпиталь. Лежу с отрезанной ногой на столе перевязочной и через окно вижу разбросанные по бугру кресты и могилы станичного кладбища. Вид, никто не скажет, что из привлекательных, а тем более я. От этого вида по телу пробегают мурашки, и я вздрагиваю, а старший врач Макеев ругается. Сердится, что я нервничаю. Пусть ругается и пусть сердится, ибо, после того, как он отрезал мне ногу, особа его не только не внушает мне какого-либо уважения, а я его, прямо-таки, ненавижу. Ненавижу его с головы и до самых его ног. Даже черные его очки и вечно торчащую в зубах папиросу и тех ненавижу...

— Доктор, куда вы дели мою ногу?

— Закопали, — отвечает.

— Где? (как будто для меня не все равно, куда ее дели, или где ее закопали).

— На кладбище.

— Вот на этом? — любопытствую, показывая через окно глазами.

— Да, на этом...

И зачем я пустился в этот дурацкий разговор — сам не знаю. Только что лишний раз доктор меня больно уколол в культю, когда я вздрогнул от скверного сознания, что собственно, половина меня, половина моего еще дышащего тела уже зарыта в земле, разлагается в ней, гниет.

Злит меня еще и то, что это жирное, армянское лицо, полное всегда олимпийского спокойствия, нет-нет

да и задумается над чем-то, нет-нет да и всплеснет руками, осматривая с каждым днем все более зияющую мою культю. Никакого признака заживления. Он говорит — „чудо“, а я уже начинаю сомневаться в его „учености“, в необходимости и правильности сделанной им ампутации. Тем более, что рана моя гораздо выше места ампутации. Уж не счел ли этот коновал, что ампутированную ногу легче лечить — меньше возни, чем с раненой?..

Но что бы то ни было и как бы ни было, а я — „капитан Копейкин“... Неделю назад был „молодой орленок“, а теперь — „капитан Копейкин“. Прощайте, молодые орлята! Не летать уже мне с вами по безбрежным степям Дона! Потерял я свои легки, молодые крылышки... А летать-то мне бы еще летать! Ведь я их — эти Степи Донские — и не узнал-то еще до дела. Только что душа успела воспринять их приторный, дорогой запах, а сколькокими, только что озеленившимися подметками мои сапоги мне больше не нужны. — Отлетал...

Доктор Макеев, что называется, меня „залечил“. И если бы мне не пришло в голову ехать умирать в мою родную станицу (твердо настаивал на том, что поеду умирать в свою станицу), то все 100% были за то, что я остался бы в ст. Н.-Чирской вместе с отрезанной моей ногой...

Везли меня из станицы Н.-Чирской до станицы „Чирь“ на нагруженной сеном бричке. Корчась в страшных муках от малейшего по дороге содрогания брички, я молил и ругал возницу ехать, как можно тише. Ампутированная нога, набрякшая гноем, была толще „подтоварника“ и была очень чувствительна. Я выл, как скотина, ибо меня, еще все же живого, гной душил живьем. Уже, кажется, оставалось до станицы недалеко, как вдруг бричка, сразу схватившись, птицей полетела по глубоком бороздам загона (это я узнал по необыкновенным ее толчкам). Если бы я был в состоянии расшибить череп вознице, то я бы обязательно его ему расшиб, когда он тартал меня, полумертвого по глубоким выбоинам и кочкам и без того для меня твердых загона и прогона. Я задыхался, мне не хватало воздуха, и в холодном поту я потерял сознание...

Пришел я в себя на испуганный крик возницы. Открыв глаза, я увидел перед собой ясное, голубое небо. Небо, которого я уже не видел два месяца. В эти два месяца не только небо, а все меня окружающее мне казалось полутемным, мутным. А тут вдруг — ясное, голубое небо. И не только, что небо, а все чистое и ясное. Лицо возницы вижу ясно — до самой последней его морщины. Да и не только, что вижу, но и чувствую возле себя какую-то вонь. Принимаюся — гной. Вонючий гной, а я лежу в нем. Воняет... Но если бы была нога, то, прямо, встал бы и пошел. Так легко, что начинаю в недоумении ворочаться по бричке...

Эх, доктор Макеев! И отрезал на две четверти ниже ранения и еще „залечил“...

Спасибо — верблюды, что встретились нам по до-

роге. Они сделали, что кони, испугавшись, полахнулись, понесли да так, что нога от толчков лопнула сама и вышел из нее душивший меня гной. Верблюды сделали то, чего не мог сделать доктор Макеев...

После двухмесячного „обмирания“ (как выразился обо мне ниже-чирской санитар-старик) во мне пробудилось необыкновенное, страстное желание жить. Таким светлым и милым свет мне никогда еще не представлялся. Я даже совсем мало стал думать об отрезанной моей ноге. Я загорелся одной мечтой, одним желанием жить. Захотел во что бы то ни стало жить. Почему, едва только загрохотал поезд, как я уже изменил свой план. — Не домой поеду умирать, а поеду в Новочеркасск или Ростов вылечиваться...

Хочу заметить. Когда я был здоровым (т. е. с ногами), то я также, как и все здоровые люди, говорил и верил, что если — не дай Бог — случится такое несчастье со мной, т. е. если мне когда придется лишиться рук или ног, то я больше жить не за что не буду — застрелю сам себя (именно думал стреляться, а не что-либо другое), но жить не буду калекой. Определенно сознавал, что человек-калека, как непоправимо испорченная или поломанная вещь — никому не нужна. — Обуза себе и для всех... И вот, однако-же, когда такое несчастье меня постигло, я сначала, правда, горячился (все просил револьвер — сгреляться), а потом, постепенно успокаиваясь, становился все тише и тише — не так уже требовательным к револьверу — стал свыкаться с безножием...

Мое безножие и железный яызг поезда перенесли меня на несколько месяцев назад... Я вспомнил, растянувшись во всю длину лавки вагона, одного сотника, с которым мне в одном купе пришлось случайно ехать летом этого же года. Сотник был двадцатилетний, с круглым, красивым лицом, юноша. Это когда я глядел на его голову и бледное лицо. А когда я бросил взгляд на его ноги, то у меня от боли выступили на глазах слезы. — Несчастный не имел обоих ног. Но, что больше всего меня в этом сотнике поразило, так это то, что сотник этот, как ни в чем не бывало, не только что спокойной (как все спокойные и всем довольные люди) смотрел в окно вагона, а даже, захлебываясь от восторга, порывался приподниматься, вскакивать, чтобы лучше видеть то, что его так привлекало. Он совершенно не думал об отсутствии у него ног, когда смотрел на игравшие желтыми волнами загоны поспевшего хлеба; на разбросанные по полю желтенькие, красненькие и аленькие цветочки; на зеленый, вьющийся горюшек, накручивавшийся на махи „лобогрейки“; на сверкающую на солнце большим серебряным крылом чистую, как алмаз, воду Донца; на лес, на сады, на каменистые, голые горы. Даже красные колючие шишки придорожного бурьяна и те его восхищали и те его заставляли улыбаться, забывая о постигшем его несчастье...

Я удивлялся тогда этому сотнику. Я не понимал, как это у такой красивой (тем хуже для этой головы, если она красивая), молодой головы хватает силы и воли все замечать и всем восхищаться. Я бы еще мог быть к ней более или менее снисходителен, если бы эта голова была, если не урод, то, по крайней мере, некрасивая и пожилая, а еще лучше — старая. Она бы еще могла улыбаться, потому что успела „пожить, повидать“. Но этот двадцатилетний юноша! Который не жил и не будет жить!.. Между тем, этот сотник (он был в погонах, {почему я и знаю, что он сотник} под конец нашей езды „убил“ меня окончательно... С жаром начал мне рассказывать, что он ждет не дождется, когда придет домой, в станицу Каменскую, к отцу и матери (— то-то радость-то будет, — думал я, глядя на рассказчика) и... (это уже из рук вон!) — к... невесте... Тогда я думал. И зачем ты, родная, его, несчастного не задушила на роду... А теперь душу безногого сотника я понимаю...

III. „Белый“.

Ростов. Снова резали — реампутация. Но я уже теперь думаю по-другому. Не все ли равно, что нет только ступни, или нет колена, или нога отхвачена по

самую „картечь“, как вот, у того деда Богаевской станицы, которого я видел сегодня, как лунь седого и похорошего на мощи, в перевязочной. Я слаб, истощен. Тело у меня шелушится и шершавое, очень похожее на замшевую перчатку. Но тем не менее я зрю белый свет, которого я в Н-Чирской станице не видел. В Н-Чирской станице, собственно, кроме света другого и ничего нельзя было видеть. Н-Чирская станица, как и Суворовская, была мертвая. Там, и будучи здоровым, я ничего не видел, кроме как поспешавшего на фронт многочисленного военного люда, метавшихся во дворах с замученным видом услужливых баб и одну — две курицы, сиротливо прижавшихся где-либо под тыном. — Вот и все, что там можно было видеть. И надо признаться, что эта лихорадочная, с воинским отпечатком тишина станиц — скрытое, бесшумное участие всех и каждого в войне — вполне гармонировало с моим душевным сознанием тяжелого лихолетья, постигшего нашу Землю. В станицах все и каждый видел одну только войну и самих себя в этой войне...

Совсем другое я увидел в Ростове, когда меня везли от станицы в госпиталь. Правда, что Ростов не Суворовская и не Н-Чирская станица, но все же... Уж слишком ярко, во-первых, мне казалось, он был освещен, а во-вторых, уж слишком много было в нем свободных, гуляющих по тротуарам людей. И все военных — с шашками и со шпорами. Как же это так? Как же они могут гулять? — думал я... Кинематографы, театры, рестораны — работают. Трамваи звенят, автомобили гудят, извозчики мягко цокают по мостовой. Бабье звонко смеется... Не понимаю. Не могу понять. Прямо в другой мир попал. Нормальный, спокойный и беспечный...

В госпиталь приехал — деликатесы получил по сравнению с Н-Чирским госпиталем. Такой соус приподнесли, что на что я, давно уже не имевший ни вкуса, ни охоты к еде, а и то тут же, в приемной и прямо на носилках, две порции скушал. Хлеб — куда-там н-чирской. Булка — белый, мягкий, вкусный. А доктор Макеев меня пугал, что в Ростове умирают с голода... Палаты? Рай, батенька мой, а не палаты. И здоровый бы не прочь в них полежать, отдохнуть. Не чистота, а блеск режет глаза. Доктор Макеев здесь бы уже не закурил — наверняка, постеснялся бы этого блеска...

Дело только в том, что в Н-Чирской больными были завалены не только кровати, а и пол и даже в коридоре валялись они на соломе. А здесь кровати, хотя и блестящие и постельное белье, как кипенное, но во всей палате лежат только два человека. Меня положили третьего...

С часами я давно перестал иметь дело, потому что времени, чтобы стонать и охать, у меня было больше, чем отбавлять. И потому, через сколько времени водворения моего в палату появились два развязных молодых человека в английских шинелях (этих шинелей я до сего момента не видел) и в громко звенящих по палате сапогах со шпорами, — я не могу сказать. Знаю только, что не успели эти два молодых человека стянуть с себя сапоги и позапачать шинели под подушки, как в палату ввалилась уже целая шумная ватага. То же, преимущественно, в английской форме, а некоторые и в боевых ремнях, с шашками и револьверами. — В полном боевом снаряжении. Думаю только, что, должно быть, было уже далеко за полночь, когда я увидел, что кровати были все заняты...

Признаюсь. Должен признаться, что в „политике“ я полнейший профан. Целую неделю слушаю, слушаю, а разобраться, постичь слышенное не могу... Или потому, что никогда этой „политикой“ я не занимался, или уж такой я тупица, но не могу, не разберусь, хоть убей... Взрослый человек и только ушами хлопаю, когда капитан — „доброволец“ (те люди, что входили в палату в английских шинелях при моем приезде, были „добровольцы“) сыпет языком, как бисером, как пописанному. Стыда за свою бестолковость будто бы не чувствую. Но, зато чувствую что-то другое. — Холод меня омораживает... Может быть, полковник-кубанец, думаю, хотя что-нибудь скажет. Ведь он же, как видно, и старик и Георгиевский крест у него висит в головах. Но, он такой всегда

Сыпет капитан — „доброволец“, как по-писанному... Горячий сторонник „единого командования“. Иначе — де будут такие неуспехи на фронте, что и Новочеркасск и Ростов казаки оставят. Это „единое командование“, как говорит капитан — „доброволец“, должна олицетворить „добровольческая армия“. Она, „добровольческая армия“, — начало возрождения новой России, а именно „белой России“. Фронт противобольшевицкий никаких казачьих армий (в названии) иметь не должен. — Должно быть „единое командование“ с единой „белой армией“... Главкомандующим на пост новой „белой армии“ он пророчит генерала Деникина. И очень ругает атамана Краснова за то, что тот не соглашается, не уступает ген. Деникину. Показывает какие-то от кого-то письма и уверяет, что все будет так, как он говорит. Даже, если атаман Краснов останется непреклонным до конца, то и тогда капитан — „доброволец“ уверен. Уверен в том, что его „все равно уберут“...

Благо, что к этому времени моя реампутированная нога стала обнаруживать некоторые признаки заживания, стала спадать температура и я, наконец, стал вкладывать в свой головной ящик суть „добровольческой политики“...

По моему, уверенное толкование капитана — „добровольца“ означает следующее.

Надо, значит, малозначущего, ничтожного и безавторитетного „белого божененка“ сделать за счет Казачества (за счет „Казачьего Бога“) настоящим „богом“ — „белым богом“. Надо, значит, оставить только „два бога“ — „Белого“ и „Красного“. Истекающего кровью на кресте „Казачьего Бога“ нужно, значит, всеми правдами и неправдами ради „белой России“, свести на нет — на смарку. Для этого казаки должны быть подведены под общий „белый ранжир“ — стать „белыми“, как и „добровольцы“. Подчинившись чужой идее с чужим человеком во главе, казаки должны будут создавать, забыв про свое горячее и неотложное казачье, несуществующую и никому (кроме „белого русского меньшинства“) ненужную „белую Россию“. Будут воевать не за свое, казачье, а за чужое, „добровольческое“, „белое“. Столько воевать за свое „Отечество“, столько умереть, как казакам, и стать „белыми“, отбросив на задний план „защиту Дона, его прав и вольностей“? Перестать служить той Земле, на которой родились, выросли, и которая, сгруппировав нас как казаков, сама собой отмежевалась и от территории и от чуждых нам интересов российского народа? Пристанет ли казакам после стольких жертв заняться прекращением русской вывески, забыв про свой собственный „порог“ и „угол“, о котором мы читали и в лагере и на позиции?..

Иначе. Забыть, потоптать свой „казачий долг службы“, предать „свое Отечество“, которому клялись служить „не щадя своей жизни“, „потерять свою атаманскую и молодецкую славу“, обесчестить живых, убитых? Обесчестить „Отечество“ — само Войско Донское...

Досадно, что ноги нет. А то бы прямо в полк, к уцелевшим еще „молодым орлятам“. С предупреждением. Что полковой поп не с пальца высосал „перифразировку казачьей присяги“; что „белый корень“ (о нем им придется много толковать, ибо об этом „белом корне“ они и идеи не имеют...) в тылу крепко; что „белый божененок“, хотя и ничтожен, но он прыток — может оседлать уставшего казака и поскакать на нем по своему, по „белому“...

Предупредить всех их, ничего не знающих и ничего не видевших, кроме войны. Осторожность не мешает. Береженого и Бог бережет...

Что касается меня и кубанца-полковника, то-есть уже отвоевавшихся и ставших случайными свидетелями „белой политики“, то мы, потихоньку сговорившись, постановили: все опасное казакам „добровольческое воинство“ сконцентрировать и засадить его, непрощенного на нашей Земле гостя, в обнесенный колючей проволокой лагерь.

Да-да. Так и постановили. Иначе, — сами угодим в такой лагерь... Долго молчал угрюмый и усатый кубанец. Пока не потерял терпение. Высказал — таки капитану — „добровольцу“. Высказал все, что накипело.

Чуть не полопались швы изрезанного его живота. Рассердившийся доктор запретил ему „волноваться“ строго-настрого...

Не хочу, отмахиваюсь от своего полкового попа... Но он, как из трубы появляется и бесценно стоит перед глазами, как живой. Толстый, медвежьего покроя, уваловатый, с всегда лохматой, нечесанной головой, с неидущей не только к священному сану, а всякому мирскому человеку, лукаво-нахальным смехом и с каким-то, себе на уме, хитрым, не искренним подмигиванием левого глаза — он — живой призрак все время стоит передо мной. Дело, собственно, не в том, что в нем, как в священнике, было мало святости, а дело в том, что он — поп. А поп — по народным приметам — что перебежавшая тебе дорогу кошка. Скверно...

Указ Войскового Круга Донской Армии о принятии им отставки Донского Атамана Краснова...

На душе не весело. Не только потому, что с этим атаманом связано мое зачатие и мой конец „молодого орленка“, мой „долг службы“, моя защита „моего Отечества“, которая (защита), я считаю, оправдывается моим безножием, но не весело еще и потому, что всякие замены, отставки (да еще в то время, когда в силу тех или иных обстоятельств большевики стоят у Новочеркасска) слишком больно гнетут душу. В этих крайностях чувствуется шаткость, неуверенность, задержанность. Понятно, что всякие „упущения“ следует исправлять энергично и вовремя но все же — душу не вывернешь, как карман, и не подогрешь, как суп на печке, потому она и холодеет. Правда, подогреется будто бы концом Указа: „Войсковой Круг выражает твердую уверенность, что в грозный и ответственный нынешний час родные защитники приложат все усилия для выполнения единой задачи, высокой и святой — для ограждения чести Дона, для защиты достоинства имени казачьего“, а, глядя на палату, особенно торжественно и довольно сегодня настроенную, снова заходеет, снова больно сожмется в кровавой комок...

Ликует палата с капитаном — „добровольцем“ во главе. Рада, что „убрали“ Краснова. Чувствуют, что славаивают. Будет-таки „единое командование“, — „белое“... „Приручат“-таки казаков... Потрудитесь (по „корнетски“) тогда, господа казаки, оставьте вашу „пресловутую“ „целость родного Дона“ и начать „служить“ в более „широком масштабе“ — „рассейском“, ибо нам „белым“ нужна Рассея, перекрашенная из „красной“ в „белую“... Понимаете-ли де? Не понимаете, так потрудитесь понять...

Свершилось... Достигнуто соглашение в „едином белом командовании“, с чужаком Деникиным во главе.

Родилась-таки высшая казачья власть на Казачьей Земле — Главное Командование Вооруженными Силами на Юге России... Проклятый поп!..

Казачья Идея за „целость Дона“, „единая, высокая и святая задача ограждения чести Дона“, „защита достоинства имени казачьего“ спровоцированы. „Казачье Отечество“ подменено „Белой Россией“. Собственное Казачье знамя закутано, прикрыто чуждым Казачеству „белым знаменем“; „казачий долг службы“ ступеван и подменен „белым русским долгом“ — „единой и неделимой“. Ничтожный, неизвестный и чуждый Казачеству „белый божененок“ по своей вековой традиции оседлал таки растерявшегося, скромного „казачьего бога“. Я в этом убедился окончательно. На самом „большом белом человеке“ — Деникине... Я уже чувствовал, предупреждал, что неизвестный ему хутор Кумской будет очень ничтожным, плоским перед гордой, знаменитой „добровольческой Лежанкой“, которой одно произношение умляло и располагало к разговору „южного главнокомандующего“ с его „добровольцами“... Все же, собрав все свои силы и ежась от боли, ждал своей очереди и я, чтобы ответить на всеобщий вопрос главнокомандующего „где вы были ранены?“ — Под Кумским, мол. Знал, что сразу не поймет. Тогда добавил станицу. Суворовской, мол, станицы...

— Казак, сотник, — доложил старший врач, когда дошла очередь до меня, остановившемуся у моей кровати главнокомандующего. Я, вытянувшись по кровати, „пожирал глазами начальство“. — Реампутация ноги, — добавил старший врач, как бы помогая главнокомандующему.

мандующему вступить со мною в обыденный его разговор с ранеными палаты. А главнокомандующий, как в рот воды набрал. Смотреть на меня, смотрел, а сам молчал... Правда, он и смотрел-то на меня всего лишь одну секунду, но мне все же было достаточно, чтобы в этом секундном главнокомандующего взгляде я успел (клянусь!) усмотреть полное безучастие и даже какую-то растерянность к моей безногой особе. (Главнокомандующий, не найдя что мне сказать — а сказать, хотя что-нибудь, нужно было, как говорил он с другими в палате, — мне показался, действительно, „не в своей тарелке“... Я же просто остался в дураках). Так, молча, главнокомандующий и вышел из палаты. „Кумской“ у меня замер на устах...

Свершилось „Молодой орленок“, „капитан Копейкин“, а теперь „белый“... Не казак, а „белый“... Хорошо полковнику кубанцу. Бредит уже целую неделю. Он и не знает, что госпиталь наш посещал новый главнокомандующий. А тут, хоть бери да подпевай новую „патриотическую“ песню. Неудобно не петь, если ее поет весь госпиталь.

— Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И, как один, прольем
Кровь молодую...

Какая будущая воинственность!.. Это не то, что мы играли когда-то под ногу:

— За Уралом, за рекой
Казачи гуляют...

Шагаем, а сами играем. Зато, как поднимались на голове волосы, как горели глаза, а душа, так та, прямо, ликовала, умиляясь...

Свершилось определено. Казачество вольно или невольно, а само засаживается в смертельный русский „белый мешок“... „Белое окружение“ уже затягивает его в мертвую петлю... „Белое окружение“... Думал ли? Проклятый поп!..

„Эпилог“.

„Белое окружение“... „Белое окружение“ — чреватый „продукт“ „белого соглашения“, из-за которого Казачество само себе сломило голову. „Белое окружение“ — напрасные тысячи жертв наших дедов, отцов,

матерей и наших детей. „Белое окружение“ — гнусный „результат“ редкого во всемирной истории по своему варварству истребления на месте и изгнания из своей Родной Земли целого народа — Казачьего народа. „Белое окружение“ — наш бессрочный стон и ох здесь и горячие, родные нам слезы там. „Белое окружение“ — наша холодная, бездонная могила, в которую мы, верные своим руководителям, угодили без нужды, по их „добровольному соглашению“. „Белое окружение“ — последнее четвергование казачьего тела...

Оно, Казачество ограбленное, побитое, расстреленное, безногое и безрукое: оно, всегда стонущее по своим оставленным семьям; оно, батрачное в изгнании, попросит от своих „бывших деятелей“ нужную расплату — ответ за их „бывшую деятельность“, ибо „кому много вверено, с того больше взыщет“, а „взыскивать“ будет за что, ибо „игрались казачьими головами действительно „ниже человеческой низости“. — Как только хотели и кто только хотел...

Вот — следствия „белого окружения“ для Казачества, для массы, для народа. Для бывших же отдельных „видных деятелей“ „белое окружение“ является тем, что оно („белое окружение“) закопало их с головой (и вместе с их „пожизненным авторитетом“, который они еще имеют смелость ставить на вид „не бывшим деятелям“), ибо вся бывшая казачья война — Казачья Идея — с ее тысячными жертвами была ими спровоцирована, подменена чуждой Казачеству „единой, неделимой“...

Но, как из всякого — а особенно с трагическими последствиями — урока умный человек извлекает для себя ту или иную пользу, навык, осторожность в неповторении им тех же самых ошибок в будущем, так и исчерпанное последним „русским опытом“ — „белым окружением“ обезличенное Казачество не повторит в будущем своих ошибок, не будет, ради чужих благ и интересов, „играть своими казачьими головами“.

... Последнее, еще звенящее в казачьих ушах „белое окружение“ и привело Казачество к настоящему глубокому сознанию необходимости проявления своего собственного Казачьего Лица — возродить свое Казачье Отечество с его лучезарным девизом — Казачья Воля.

И. М. Назаров.

Несколько параллелей.

(Новогодние воспоминания).

Это был тринадцатый год. Москва — ее расцвет и жизнь — во всем разгаре. Громадный, широко раскинувшийся, как новый Содом, шумный, богатый, переполненный разгулом город. Огромные рестораны; новый „Яр“, как дворец; его знаменитые „цыгане“... Бега и скачки; театры и балы; картинные галереи; богатейшие музеи... И люди, достойные музей по их радушию, — которое было так просто, так искренно...

Первый Донской казачий полк стоял на Ходынке... Тридцать первого декабря готовилась традиционная встреча Нового Года. Еще с девяти вечера стали подкатывать к под'ездам полка кареты и шикарные модные экипажи из города. То парами в два рысака, под сеткой, то на дивных лихаках... Разодетые мужчины и нарядные дамы выходили из экипажей, их встречал дежурный офицер и провожал в собрание...

К десяти часам все были в сборе: бригадный генерал, командир полка, все офицеры в полной парадной форме, мать командирши, все полковые дамы в светлых парадных платьях и масса гостей; не так много мужчин, но дам и барышень много.

Зал освещен целой серией ламп; в нем — нарядная, блестящая толпа и — сколько красивых женщин!.. И тип казачек, с кровью их бабок с Кавказа — черкешенок и грузинок — все черные, как ночь с черными жгучими глазами... И тип других казачек, кровью из Польши, с синими глазами — шатенки с дивным цве-

том лица и грацией фигур. И московский тип, с их открытым лицом и томным с поволокою взглядом...

Полковая музыка играет вальс. Командир открывает бал и все кружатся, будто поднятые вихрем. Потом мазурка, менуэт...

Перед двенадцатью входит священник. Тут же в зале, в бальных нарядах, все молятся в „краткой молитве“ и в столовой садятся за стол. „Общий полковой стол“ — этот стол был бы годеи Лукуллу... Тут целые жаренные осетры, сига, рыбы, донские сазаны и раки... Жаренная птица — дичь, тетерева и фазаны в перьях; закуски всех сортов, и на громадных блюдах черная севрюжья икра во льду, как янтарная. И вина всех сортов — до „Цымлы“ и „Шампанского“...

Начинается ужин, оживленный и радостный. Потом музыка без конца и бал до рассвета.

Вот как мы встречали 14 год. И кто бы знал, что ровно через семь месяцев, многие из этих блестящих офицеров будут брошены в кровавые бои Великой войны... Кто бы знал, что многие из этих нарядных дам в конце года будут в трауре, перед могилой... кто знал? Никто об этом не думал, ибо страшное лицо судьбы закрыто от нас всегда — привлекательной тайной жизни.

Была хмурая зимняя ночь. На позиции севернее Снова мы были „временно“ брошены в окопы; впереди нас шагов на шестьсот сидели немцы. После недавнего

боя, с большими потерями с обеих сторон, тихо у них, и тихо у нас. Лишь изредка откуда-то из тыла „ухнет“ орудие и, будто стальная полоса, упадет на землю.

Тихо у них, но это обманчиво... и мы на чеку, ибо немцы шутить не любят. Есть также сведения, что они нам сегодня готовят газы. А время праздничное — тридцать первое декабря — канун Нового Года...

Около двенадцати ночи. Мы, три офицера и вахмистр, собрались у командира в землянке и сели за ужин в масках. Пьем водку, закусываем таранью и какими-то воиющими консервами. Ровно в двенадцать, не снимая маски, командир поздравил нас с Новым Годом и „двинул“ тост за скорое окончание войны. Но, кто в это верил!? Нет, этой войне, видимо, конца не будет. Так думалось тогда. Но, несмотря на это, мы и в масках, „намазались“ в эту ночь „как следует“, и стали кричать „ура!“, на что немцы ответили залпом.

Так мы встретили 15-й год. Без музыки, без дам, без шампанского, без маскарада — в газовых масках.

В госпитале в Вильно. Я лежал раненый в боях под Седлецом. С фронта приходили хорошие вести — перевес войны, видно, медленно двигался в нашу сторону, немцы слабели, союзные фронты стали проявлять активность. Сестры утешали нас возможностью скорой победы. Рана не очень беспокоила, настроение повышалось... И вот, 31 декабря ночью я, вместе с другим казаком, есаулом Бабковым, моим соседом по койке, пили водку из лазаретных мензурок, вылив в плевательницы свои лекарства.

Так мы встретили 17-й год и кто бы знал, что он принесет нам не только „святую“ и „бескровную“ вместо победы, но и такое великое достижение, как большевизм товарища Ленина, вместо поражения.

В степи, в голой степи, без признаков жилья в темные морозные ночи, без дорог, по пахоте, по бурьяну, по терновым кустам и балкам — один, с револьвером в кармане, я шел с фронта от большевиков на Дон.

В этот день, 31 декабря, я чудом вырвался из рук красных на станции Кантемировка, где был осмотр поездов и откуда я пошел пешком через занятую большевиками полосу Донской земли, направляясь на станцию Константиновскую — 70 верст пути, но что было делать? Около 12 ночи, в тумане, натолкнулся на пост.

Вадим Курганский.

Тернии.

Ночь... Снег... Тишина... Скрип сугробов под ногами. Позади — отголосок бала, свет и музыка; впереди — вереница фонарей, пляска снежинок, заметенная снегом улица. Идем втроем — „она“, мой одноклассник-донец и я...

Изящное личико „ее“ разгорячено недавним танцем. В глазах сквозит утомление и грусть — завтра понедельник... гимназия... уроки...

Я иду молча, углубился в свои думы... Краем уха слышу — разговор зашел о казаках — не знаю, как и почему. Начинаю прислушиваться.

„Она“ пренебрежительно морщит носик:

— Фи — казак!.. Дикие, грубые, необтесанные...

Никогда не имела бы дела с казаком!..

— Покорнейше Вас благодарю!.. невозмутимо цедит сквозь зубы приятель.

— Как?... Вы казак?..

— Д-да, как будто бы!..

— Что Вы говорите!.. Вот непохожи!.. Какой — донец? Ну, донцы еще ничего... Они под сильным влиянием русской культуры... Я о кубанцах говорила... Вот те — действительно!..

— Покорнейше Вас благодарю! вежливо раскланиваюсь я.

Их было четверо. Часовой кричал, чтобы я остановился, но впереди был лес, шагов 50 до его опушки. Я шел, будто не слыша, выигравая секунды его нерешительности, держа револьвер наготове, в правой руке, невидимо от него сбоку. Он вскинул винтовку, но не выстрелил и снова мне кричал что то и ругался. Тогда выстрелил я. Он ковыркнулся в сугроб и замолчал... Другие стали стрелять, но, видно, „спешили“, пули летели высоко надо мною, я достиг опушки и скрылся.

Вышел из леса, стало еще темнее: кругом на горизонте висели черные снеговые тучи. Вошел в полосу каких-то бесконечных тернов и балок. Часа 4 нырял из одной в другую, — в одну ночь прошел сорок пять верст и лишь под утро зашел „на ура“ в большевицкий хутор Мешков. Так я встретил 18-й год или, вернее, он меня так встретил.

В маленьком, уездном, глухом городишке, в темной, удушливой сербской „кафане“ за грязным столом, один, с рюмкой раки, я сидел накануне 21 года... Был мрак в душе, сердце давило одиночество и не было конца тоске по родине. Перебиваясь кое какой работой, я зарабатывал тогда в среднем 8—10 динар, нуждался до крайности, но, был еще молод. Семья жила в трех разных городах — я редко кого мог видеть.

Труд, бесконечный, черный, каторжный труд, и — голод в его перспективе. Но, была надежда... На самом дне души, но она обещала, что колесо судьбы повернется и мы вернемся туда, где не будет серой, некрасивой нудной жизни. Вот почему, несмотря на тяжесть окружающих меня условий и невыносимый гнет всей обстановки существования, я все же ровно в 12, встречая Новый Год, встал, перекрестился, выпил рюмку вина, и сам себе твердо, чуть не вслух, сказал: „Терпи, казак, атаманом будешь“.

Десять лет прошло... По странной иронии судьбы я в том же городе. И в той же „кафане“. 31 декабря и — встреча Нового Года. Опять со мной никого из близких. Разбросаны все по чужой земле: то служат, то учатся — и все мучатся, борясь с беспощадною судьбою. И я не только один, — я совсем без работы...

Но, самый ужас в том, что угасает надежда; последняя надежда на возврат, как свеча, догорает и если в той же „кафане“, за несколько минут до двенадцати — или ровно в 12, когда придет Новый Год, раздастся выстрел, это покажет, что надежда потухла...

Молчание... По щекам медленно расплзается краска... Шаги ускоряются...

— Идемте скорей, господа!..

Хмельный угар вечеринки... Пьяные лица, шум, рокот казачьей песни, звон бутылок и стаканов... Языки развязываются, разговоры делаются громче, звучат горячее речи... Казачье, все казачье вокруг — и песни, и речи, и звуки голосов, все, все!..

И вдруг... Что это? На противоположном конце стола голоса повышаются, переходят в крик, спор — в ссору...

А!.. Ну так и знал — один не казак затесался — не выдержал!.. Не понравились чьи то слова о мешечниках, что поперли обдирать казачьи края с голодухи...

— А-а-а что же им по вашему делать — с голоду помирать что ли!.. задыхаясь, визгливо кричит толстый господин, брызгая слюной на соседей: Голод не-не-не тетка!.. Голод — вот и пошли!.. Не по своей воле пошли!..

— Так вот — если мне есть нечего будет, так я к вам приду и начну обдирать, что понравится!.. так же возбужденно отвечает ему противник.

Зашитник „обиженных судьбой“ крестьян захлебывался.

вається и рычит что-то невнятное... Торопливо подхожу и пытаюсь успокоить спорящих. Оскорбленный в лучших своих чувствах убежденного „единонеделимца“ не казак давно уже нахлобучил шляпу и порывался к выходу, задерживаясь только для того, чтобы сокрушить противника вескими доводами своего несложного „единонеделимческого“ катехизиса.

— Да успокойтесь же!.. Не нужно так!.. успокаиваю его я уже во дворе.

— Все... перенесу... Всех потерплю, хрипит „обиженный“, но, казаков... азиатов... вот так бы... своими руками задушил!..

Не знаю, — нужны ли еще комментарии?

ДУМЫ И МЫСЛИ.

Гнат Макуха. (Югославия).

На Новый Рік.

На щастя, на здоров'я, —
На Новий Рік —
Роди, Боже, жито-пшеницю
Та всяку пашницю...
Отак у рідній стороні
Колись маленькому мені
Доводилось братам казати
Та з Новим Роком їх вітати.
Тоді у Бога я прохав,
Щоб Він на Новий Рік послав
Високе жито та пшеницю
И зерном багатую пашницю...
Тепер в чужій я стороні
І вже старенькому мені
Доводиться те ж знов благи
Та в Нього ось чого прохати:
Пошли, о Господи, всим нам
І тим, що в рідному, братам
В оцей новий не довгий рік
Не те, що слав Ти нам торік:
Одним — щоб муки вже кінчались
І спокію вони діждались;
А другим — перестать блукати
Та в ріднім віку доживати;
Щоб всі загалом козаки
Кохали волю, як батьки,
І край свій рідний — Козаکیю —
Любили більше, чим Росію.

А. Лысенков. (Париж).

С Новым Годом!

С Новым Годом поздравляю
Славных Вольных Казаков,
От души я им желаю
Побороть своих врагов
И зажить жизнью привольной,
Как живали, братцы, встарь —
Независимой, раздольной, —
Что отнял Московский царь.

И. С. Константинов. (Д. Восток).

Памяти Оренбургского Войскового Атамана

А. И. Дутова.

Ах ты гей еси удалой казак,
Ты проснись-ка наш Атаманушка,
Ты стряхни с себя тело брренное,
Ты явись-ка к нам в Войсковой наш Круг, —
Без тебя у нас крепка думушка:
Мы остались здесь в одиночестве,
Как без матки рой, серых, горных пчел;
Ты подай совет своим детушкам,
Как нам жить одним во чужих краях;
Собери ты нас во единый Круг —
Укажи Ты нам путь дороженьку,
Чтобы всем идти на Родной Яик,
Сломить голову, злomu ворогу, —
Ждут нас семьи там и Казачество.
Ты умел водить казаков на брань
Выходил всегда ты с победою.
За Казачество и за Волюшку

Ты сложил свою буйну голову,
От руки погиб злого недруга,
И твои дела, дела дивные,
У Казачества не забудутся,
Наши дети все, внуки, правнуки
Будут первого чтить Избранника,
Будут песни петь про лихой завет
И в Кругах своих держать твой Совет!

В. Резников. (Болгария).

Годы.

Годы, как свечи, Тускло горят; Годы, как ночи, Тайны хранят.	Где же любовь, Счастье, мечты? Много лишь слез, Лжи, пустоты.
Молодость наша Бурно текла; Старость — не краше: Нудна и зла.	Быстро мелькнули Светлые дни, — Юность согнула Страсти огни.
Где же те всходы? Чудных семян? Громко воспеты — Желчь и дурман!	Старость, что осень, Дряхлость несет; Жалит, как осы, Сердце сосет.

Ив. Томаревский. (Болгария).

Думы и мысли.

Кто из скитальцев по свету не знает,
Как за границею жить тяжело,
Как он о родине милой мечтает,
Хочет увидеть пред смертью ее?
Все то мерещется воля былая, —
Степь, что у Дона без края легла,
Травы с цветами, что, ярко сверкая,
Взор поражают, влекут без конца...
Все то нам снятся денечки былые,
Поле и дом и родная семья,
Дни безмятежные, дни молодые,
Все, что давала нам радость бытия...
Э! Разметала по свету судьбина
Удали, славы и воли детей...
Гнутса в работе их шеи и спины
В беге печали, изгнания дней...
Нет казачине на свете отрады —
Думы — скорее-б, скорее домой...
Сгнули только-бы красные гады,
Все полетели-б на Дон свой седой!
Все бы вернулись в станицы родные,
Все по друмоу уж начали-б жить,
Споры, ошибки забывши былые...
Только бы дома скорее нам быть!

Наши задачи.

Запутавшись в лабиринте „грандиозных достижений“, „перегнав“ и „обогнав“ все „Европы“ и „Америки“, Советская власть приближается, повидимому, к „финишу“.

Вести и слухи, идущие из СССР, свидетельствуют, что там не все благополучно, повидимому наступает если не конец этой власти, то его начало.

— Кто победит?

Мы готовимся быть свидетелями новой, быть может еще более ожесточенной и ужасной борьбы с зар-

вавшимся зверем, который в своем опьянении кровью и злодеяниями над поработченными народами перешел всякие границы.

Какие потоки крови должны политься в этой надвигающейся решительной схватке. Невольно возникает перед нами вопрос, что должны делать здесь, на чужбине, мы — казаки? Быть ли пассивными наблюдателями всего происходящего, или мы должны принять какое-то активное участие в этой борьбе, которая неминуемо должна вспыхнуть и в наших родных краях против зарвавшихся красных оккупантов.

Какова должна быть наша задача, казаков, в надвигающихся новых исторических событиях? Какую обязанность должны мы возложить на себя по оказанию помощи в освобождении наших Земель? — Ведь мы должны быть все готовы к исполнению долга казака-гражданина!

Если вследствие условий, в которых мы находимся, мы лишены возможности оказать физическую помощь нашим братьям там, т. е. стать с винтовкой в руках в ряды с ними, то мы должны им оказать помощь моральную и материальную и этим самым дать им почувствовать, что они не одни, что мы с ними.

Это будет первое, в чем может выразиться наша помощь.

Второе — мы должны объединиться на одной идее и проникнуться одной мыслью — защита наших казачьих прав и интересов прежде всего! Защита от всех посягательств, откуда бы они не исходили.

Нужно помнить всегда, что мы имеем не меньше права быть независимым и самостоятельным народом, чем другие, наприм., Горские народы Кавказа, Грузия, Азербейджан и т. д., голоса которых уже раздаются в Лиге Наций о выводе войск красных оккупантов из пределов их территорий.

Мы также можем и должны требовать то же самое.

Мы должны быть свободными и независимыми. Это должен себе внушить и верить в это каждый казак. Во имя нашей разоренной и разграбленной Родины, во имя наших близких родных — отцов, матерей, жен и детей, изгнанных из своих куреней и хат вон на произвол судьбы, или ссылаемых в далекие Соловки, Нарым и Сибирь, где они кончают жизнь, как самые последние рабы.

За что?!

За что уничтожают казаков почти поголовно и почему на их место вселяют крестьян из центральных губерний?

Но, не одних крестьян вселяют московские главари в наши Края. Больше еще зло в том, что они наводят их своими верными приспешниками палачами чекистами, которые творят суд и расправу над еще уцелевшими остатками казачьего населения и являются полными хозяевами нашего добра, наших земель, политых кровью дедов и отцов.

Третьей нашей задачей является объединение казаков в прочные организации (станицы, хутора, курени и т. д.), поставившие себе целью — созыв Общеказачьего Зарубежного Круга. На этом Круге мы должны сказать перед всем миром, чего желает Казачество, — наши чаяния, наши надежды и, несомненно, голос наш будет услышан, а это уже первый шаг к осуществлению нашей цели.

Мы должны искать помощь всюду, где только можно — нет унижения во имя Родины. Мы должны принимать всякую дружбу, где ее предлагают для защиты наших интересов. Если мы верим в правоту нашего дела, то все преграды, как бы они страшны не были, могут рушиться перед несокрушимой волей и стремлением к освобождению родной Казакии.

А. Тульцев.

Рассуждения по поводу брошюры г. Маркова „Самостийничество и хозяйственное развитие России“.

Профессор А. Марков (донской казак) в своей брошюре „Самостийничество и хозяйственное развитие России“ с истинно русским патриотизмом рассматривает „незрелые“ стремления самостийников, как „фанатическое упорство, полное нежелание разобраться в выводах и т. д.“; словом, счел за свою „обязанность“ „сбросить с казаков обвинение в самостийничестве“.

С логическими выводами „хозяйственного равновесия России“, с статистическими данными спорить не будем. Даже больше. Допустим на минуточку, что они правильны „в смысле хозяйственного развития“. Действительно по Маркову, чтобы производство страны находило обеспечение внутренний рынок, дополняя этим недоразвившиеся отрасли народного хозяйства по отдельным районам, необходимо еще к территории довоенной России присоединить Польшу. Не даром автор дает поучительный пример с кризисом текстильной промышленности в Польше (Лодзь), которая, в силу „сложившихся обстоятельств“ потеряла непосредственную связь с Российским рынком и, развивая мысль, останавливается на частях бывшей России, которые менее всего имеют шансы быть в составе будущей России. Рассуждая таким образом, можно дойти до такого положения, когда трудно будет определить территориальные границы будущей России так, чтобы интересы Центральной России не были нарушены.

Рассматривая „незрелые“ стремления самостийников, автор все же самое главное упустил из виду. Вся суть нашего вопроса заключается в идеологической постановке вопроса: быть или не быть Казачеству. Дайте сперва определенный ответ на этот вопрос, тогда будем договариваться о дальнейшем. Статистически установленная тенденция мирового перепроизводства предметов первой необходимости не должна и не может нас останавливать и служить угрозой потери способности существовать самостоятельно. Трудности при налаживании государственного аппарата, несомненно, учитываются, но нельзя хозяйственные затруднения страны менять на политическую свободу (а разве теперь в Казачьих Землях хозяйственно благополучно?). Из двух зол нужно выбирать меньшее. Нельзя же, и в самом деле, подходить к вопросу о самостийничестве „с тылу“ — сперва, дескать, постараемся составить „хозяйственное единство в России“, а потом, когда время позволит, можно подумать о своих правах и о собственном доме. По нашему, поздно будет напоминать потом „верхам России“ о „своем „самоуправлении“ и „правах собственности на землю и недра“. — они по-прежнему будут своими же казаками с русской душой.

Отводя „выпады“ самостийников о „тенденциозности“ царского правительства в смысле хозяйственного развития казачьей страны, автор указывает на каменно-угольное производство в Донском бассейне, как на фактор, обеспечивающий хозяйственное равновесие России „вне конкуренции“... Может быть это и так, но, благосостояние казаков от этого не улучшилось.

Для нас понятна идеология профессора Маркова и Мельникова, скристаллизировавших свои взгляды в обеспеченных условиях русской жизни. Для них дорога прежде всего Россия. Бог с ними, — пусть они доживают свой век в Матушке России. Но, непонятным становится, как можно уверять грузинов, поляков, украинцев, и др. народности о их „бессмысленном“ стремлении самоопределиваться, проливать кровь, добывая „какую то свободу“, когда так ясно, что „хозяйственное равновесие“ России нарушается подобными „экспериментами“.

Кабинетное рассуждение профессора не имеет жизненной цены, жизнь идет вперед, накладывая свою печать и на самостийников. Слишком их много, чтобы с ними не считаться и осуждать их в отсутствии хозяйственно-политической логики. Нужно думать, что профессор со своей брошюрой запоздал во времени.

Вл. Еремеев.

У кайданах.

Думки 10 грудня.

Говорят, Достоевский однажды был принужден продать свои единственные штаны, чтобы послать телеграмму Сытину, и что тогда именно он и сказал свое:

— „Бедность — не порок, но большое свинство“... Так ли было с Достоевским — не знаю, но что в подобной „ситуации“ оказались многие сотни, если и не все тысячи казаков 10 декабря, в день 3 годовщины журнала „В. К.“, в день приветствий и пожеланий, — знаю определенно.

Но не приветствовать только, не выразить в телеграмме или письме те или иные благие намерения хотелось казакам в тот день...

Хотелось самим быть там, в золотой, свободной Праге, хотелось стиснуть руку тому, кто перед 3 годами вызволил казаков из духовных кайданов, кто, наученный прошлой казачьей неделей, кует светлую долю Казачеству.

Хотелось поговорить, поспивать с его первыми соратниками, бандуристами казачьей Воли; хотелось сказать во всеуслышание, что казаки — есть просто — казаки, — ни „русские“, ни „французские“. И что им идеи Вольного Казачества дороги, как... как единое оправдание их самого эмигрантского существования...

Много в тот день хотелось. Но... но на телеграмму нет „пара“, да и не скажешь всего в телеграмме. А на письмо, обширное письмо — нет времени: одного властный гудок приказывает стать за станок, другого зазывает в рудник сирена, на третьего кричит „шеф“, четвертый...

И только немногим, из всех желавших в тот день быть на казачьем празднике, удалось нацарапать несколько слов:

... По причине неимения монеты, дальности расстояния, страха за завтрашний хлеб... Но знайте — духом своим я (имя рек) с Вами...

— Гудят машины, стучат кирки и лопаты, покрикивает „Саро“...*

Медленно, убийственно медленно тянется время. На душе нудно, тоскливо... Чудится методическое поскрипывание уключин, тяжелое дыхание неестественно согнутых, голых тел... лязг ножных кайданов...

— За шо-ж, Боже?..

Свист бича...

Визия?..

О, не! — Самая настоящая действительность. Ибо мы — „модерные“ галиоты.***) Номера под общим именем „рус“. Собственники волчьих билетов или закрепленные...

А из „дому“ (Зангезурский край!) пишу:

... „и выбросили нас здесь, как ненужный хлам — голых и босых... а кругом — ни села, ни жилища... В нашей хате поселились россияне... Брат твой пропал без вести, а семья его на произволу судьбы“...

— Да какая-же это судьба проклятая! Долго ли еще будет длиться ее произвол над нами!..

Неужели-же пропали? Погибли на веки? — Без вести?.. I брати, i ми?..

До своих тут — не пускают. Своих там — убивают, развозят в вагонах-тюрьмах по пескам и тундрам...

Нет, пред Тобой мы ни в чем не согрешили, великий Боже! Покров Пресвятой Твоей Богородицы чтли и чтим. И молитву Сына Твоего не забываем... а страдаем — не за свои грехи. Как и Твой Сын...

Мы во власти произвола „судьбы“, имя которой хорошо знаем. Ибо произвол ее над нами начался не со вчерашнего дня...

За что?..

Праздный вопрос. За что вот сейчас холодная „Невера“***) ломает ветви расцветшего миндаля? за что будет стаю чаек, что прижимается к самому берегу?..

Вчера еще было тепло, как в теплый майский день, вчера еще по безоблачному небу величественно катилось солнце, а под его лучами смеялись горы и море; сегодня — нежданно-негаданно прорвалась с севера „Невера“, заволочка метелями вершины гор, белыми гривами покрыла волны...

— Почему? — Разница температуры.

— Почему? — Разница темперамента, разница психологии...

Одни любят рабство, другие свободу. Одни черного тирана заменяют красным, венчают его или короной со звездами или звездами, другие своему избраннику посыпают голову пылью из под сапога старшего казака. —

— Чтоб не зазнался. —

И только те, кого еще „греет“ закатившееся великодержавное солнце, да „сознательные“ живые мертвецы могут говорить об общей крыше, о „великой, неделимой и свободном (?) Казачестве в ней“...

... Сегодня редактор повторит свое мужественное слово, которым 3 года тому назад открыл самостоятельность. Даже там, где ее, как со стороны казалось, и не было.

О, как хотелось бы сейчас быть там! Вместе с другими сотнями и тысячами Вольных Казаков. Слиться с ними в одном мощном аккорде — порыве жертвенной любви к родному Краю! Опыться музыкой родного имени и принести торжественную присягу на веру и верность Казачеству, как того требовали от нас в 17 году наши седебородые отцы:

— Не дайте, чтобы нами завладели расейцы! Спасите Казачество.

Налетела „Невера“ с севера, разогнала нас по всему свету, мертвым холодом сковала Родимый Край...

Чужая чужанина высасывает силы, механизмирует, обезличивает...

А оттуда зовут:

— Чом не йдете?..

Гудят машины, лягает сталь, зарываясь в „руду“, глухо гакают кирки... Серdito кричит „Саро“...

Эх, тут не только „дальность расстояния“... Но Вы там, в золотой свободной Праге, не думайте, что Вас мало! Что мы не пишем? Не посылаем приговора с подписями?.. Вот, Керенский в свое время миллионы телеграмм и писем верноподданнических получал...

А мы-ж — казаки! А казаки только тогда и казаки, когда — Вольные.

Сейчас мы — рабочие. Но, не „Роботы“. Хотя этого и не могут понять многие наши заграничные „шефы“.

И не вотчинные солдатики, переходящие по наследству от одного русского генерала к другому. Хотя нас и считают такими господа из „России“...

— Трачу літа в лютім горі

I кінця не бачу...

Тільки тоді легше стане,

Як... як, освободившись от обязательной работы, примусь за чтение журнала „В. К.“. —

Все в нем такое родное, такое — мое!.. И смелый, ясный передовик, и незатейливый рассказ из прошлой нашей жизни, и письма в редакцию, авторы которых б. м. впервые за 10 лет изгнания взялись за перо...

И на кой мне шут, прости Господи, ученые разглагольствования на тему о том, имеем ли мы исторически обоснованное право чувствовать себя казаками или не имеем?

Ибо отрицающие Казачество, как отдельную славянскую народность, отрицают самый факт бытия Казачества. А с таким „успехом“ они могут отрицать бытие и всех других славянских народностей, кроме той к какой имеют честь принадлежать. —

Помню, еще в Ростове, в Суворовском „Времени“ один известный журналист „отрицал“ украинцев:

*) Капо — надсмотрщик.

**) Галиоты — рабы, гребцы на галиях.

***) Северный ветгер.

— Ну, почему Вы, Хома Матвеевич, — украинец? — писал тот в форме диалога с „украинцем“. — Почему Вы украинец?.. Только потому, что брюки называеете шароварами?.. А ведь другой разницы между нами нет!..

И, конечно, „украинец“ перед таким аргументом спасовал. Согласился, что не только между народами б. России, но и народами всего света, никакой разницы нет. Ибо не все ли равно, что одни называют штаны брюками, а другие, скажем, бенебреками? —

Ну и гениальное-же это портняжное решение вопроса о нациях!

А чудак Вильсон Антантиньи цели борьбы в мировой войне формулировал как

— борьба за самоопределение народов?

В западной и южной Европе Вильсонов лозунг победил. Победит он и в восточной Европе...

А Вы там, в братской Праге, готовьтесь. Знайте, что хоть мы и в кайданах труда за кусок хлеба, все же — без кайданів. И когда придет час — соберемся. Соберемся под свои Вольно Казачьи Знамена.

Дай Боже, чтобы это было до 10 грудня!

Вл. Куртин.

Письма и приветствия, полученные редакцией „В. К.“ ко дню 10 декабря 1930 года.

(Окончание).

LXXXVI.

Редакции журнала „Вольное Казачество“.

Милостивый Государь!

... Радуюсь каждой печатной строке, направленной в защиту интересов казаков, я пользуюсь случаем высказать глубокую уверенность, что разногласия между нами, казаками, сгладятся и мы дадим русской эмиграции пример объединенности и готовности в любой момент идти на защиту и спасение страдальцев, поливающих родную землю остатками казачьей крови.

Член Куб. Краев. Рады от гор. Екатеринодара, быв. член Куб. Краев. Правит., Председ. и первый Атаман Союза Казаков в Греции

20-XII-30. Афины.

А. Литовкин.

LXXXVII.

Г-ну Редактору В. К.

Вы приглашаете на редакционный чай, сердечно благодарю Вас. Рад душой пребывать среди Вас, но судьба коварная не дает возможности... Поздравляю Вольное Казачество с третьей годовщиной выхода в свет первого номера журнала. Приветствую инициаторов его. Дай Бог, чтобы четвертую годовщину устраивали на родной нам казачьей земле среди вольных казаков. Шлю сердечный привет.

5-XII-30. Германия.

Д. Тырин.

LXXXVIII.

Г-ну редактору „Вольного Казачества“.

Поздравляю Вас с днем третьей годовщины журнала „Вольное Казачество“. Дай Бог сил и энергии так же и впредь работать на благо Казачества. Нет возможности лично разделить эту трапезу (редакционный чай) с теми, кто искренне верит и стойко борется за осуществление законного исторического права на свободное существование Казачества.

Франция. Лион.

Абрамов.

LXXXIX.

Редакции „Вольного Казачества“.

От души и сердца благодарю дружество редакции „Вольного Казачества“ за приглашение на чай, устраиваемый 10 декабря с. г. Еще более благодарю администрацию за высылаемые журналы из которых я почерпнул сведения и восстановил в памяти своей знание истории Казачества. Жалею, что раньше не получал журнал и не знал историю Казачества. Да и не один писака раньше не писал про Казачество, чтобы можно было внедрить в память своей историю Казачества, когда были еще у себя на родине; а также считаю, что не сам я один, а и другие не вполне знали подлинную историю своего Казачества, а это если бы было усвоить еще на родине, дало бы большой плюс и сдвиг в Казачестве.

3-XII-30. Сербия.

А. Герасименко.

ХС.

М. Г., Г-н Редактор!

Сердечно поздравляю Вас и всех сотрудников журнала „Вольное Казачество—Вильне Козацтво“ с праздником третьей годовщины выхода в свет первого номера благословителя Казачьей Воли и самосознания и собрания Казачьих сил воедино. Пусть крепнет, растет и развивается Казачья духовная мощь! Пусть растет и укрепляется любящий и любимец казаков журнал „Вольное Казачество—Вильне Козацтво“. Мой дух с далекой Волины 10-XII перенесется на торжество побед и завоеваний ярких потоков духовного изобилия Казачества. Сердечный привет Вольным Казакам и всем присутствующим на празднике гостям.

Лакочице. 4-XII-30. Польша.

Инж. Ф. Мешков.

ХСІ.

Редакции журнала „Вольное Казачество“.

Поздравляю Вас, а также всю казачью семью с праздником третьей годовщины; желаю провести оный в полном здравии и весельи и дай Бог следующий этот праздник встречать и проводить в своем родном краю. От души благодарю редакцию за приглашение. С дорогой душой желал бы быть участником этого праздника, но, к сожалению, удаленность не позволяет. Еще раз благодарю и поздравляю.

С почтением ко всем И. Вишицкий.

3-XII-30. Греция.

ХСІІ.

Уважаемый наш г-н редактор!

Сердечно благодарю за приглашение на редакционный чай, а так как мне невозможно быть лично в кругу вольных казаков, поэтому я послал переводом в Ваше распоряжение 10 крон, дабы и моя лепта участвовала в третьей годовщине родного нам журнала „Вольное Казачество“. Дай Бог, чтобы четвертую годовщину мы справляли на родной нам Кубани в Екатеринодаре. Приветствую Вас, г-н редактор, и всех вольных казаков.

И. Ф. Иващенко.

Югославия. Декабрь.

ХСІІІ.

Глубокоуважаемый Господин Редактор!

Приношу Вам и сотрудникам журнала „Вольное Казачество“ сердечную благодарность за приглашение на редакционный чай по случаю третьей годовщины журнала „Вольное Казачество“. Средства и дальность расстояния не позволяют мне приехать. От искреннего казачьего сердца желаю дальнейшего процветания журнала для сплочения всего Казачества в одну семью с их исконными традициями и укладами жизни.

4-XII-30. Югославия.

Хорунжий К. И. Попов.

XCIV.

Сотрудникам журнала „Вольное Казачество“.

Вольные казаки станицы Усть-Ломской приветствуют Вас, дорогих поборников Казачества, с третьей годовщиной горящего звездой журнала „Вольное Казачество“, столь дорогого для казака патриота. Боритесь, труженники, за славу, жизнь и процветание Свободного Казачества. В правом деле Бог помогает. Да не угаснет свет, зажженный рукой вольного казака. Ура!

С казачьим приветом *М. Егоров.*

5-XII-30. Болгария. Лом.

XCV.

Уважаемый Г-н Редактор!

Шлю привет и наилучшие пожелания по случаю трехлетней деятельности и неустанной работы нам родного журнала „Вольное Казачество“. Дай Бог, чтобы эта полезная работа не прекращалась и дальше, а журнал бы вечно служил нам путеводным огнем только здесь, но и там на Родине.

4-XII-30. София.

Каз. *И. Евсиков.*

XCVI.

Глубокоуважаемый Г-н Редактор!

Сердечно благодарю Вас за приглашение на редакционный чай и шлю искреннее поздравление по случаю 3-й годовщины нашего журнала „Вольное Казачество“. В этот торжественный день все мы, не имеющие возможности присутствовать, будем мысленно с Вами.

Белград.

А. Беломестнов.

XCVII.

Г-ну редактору Вольного Казачества.

Г-н редактор, большое Вам спасибо за приглашение на чай. С удовольствием желал побывать у Вас и откушать Вашего чая, но казак сейчас немочен, нету у него таких сил, дабы он мог поехать в другую державу, но это не важно, мы казаки здесь в Суботице тоже вспомним третью годовщину нашего родного журнала „Вольное Казачество“. Дай Бог ему духа и смелости и дальше идти по избранной им дороге. В нем для нас, казаков, есть родное слово. В нем всегда есть и по Черноморски и Линейски и по Донскому — всякие наречия казак может читать. Всегда ожидаю 15 числа и 28 числа как все равно какого-то годового праздника. Всегда думаю: вот 15 число подходит, получим свой родной журнал и узнаем, что нового здесь за границей и там дома. Еще раз, г-н редактор, большое спасибо за приглашение и большое Вам спасибо за высылаемый журнал „Вольное Казачество“.

Получу я этот журнал, то не оставлю, пока не прочитаю весь, потом передаю другим, кто интересуется, а интересующихся казаков у нас в Суботице много, как пойдет из руки в руки пока и другой придет.

Уважающий Вольное Казачество *П. С. Солнцев.*

XCVIII.

До хвальної редакції журналу „Вільне Козацтво“.

З нагоди третьої річниці існування журналу „Вільне Козацтво“, редакції, співробітникам і всім читачам „Вільного Козацтва“ шлю палкий привіт. Вірю, що не за горами той час, коли двотижневик „Вільне Козацтво“ перетвориться в поважний державний орган Вільної Козакії. Вірю, що Козацтво, з'єднане лозунгом „Вільного Козацтва“, однодушно стане на захист своєї вольності. Вірю також, що жадні ворожі наклепи і провокації не зламають братської згоди між козаками і Україною, що недалеко той час, коли ми всі під звуки рідних гімнів повернемось до дому переможками. Вороги Вільної Козакії знають, що без вільної України не буде Вільної Козакії. Вороги знають, що шлях козацький прямує через Київ.

Тому хай живе спілка вільних Козацтв з Україною. Хав живе братська згода між козаками! Хай живуть

творці нового життя козаків-співробітники і редакція „В. К.“ на чолі з вельмишановним редактором *И. А. Білим!* Хай його (п. *И. А. Білого*) життя, вчинки, праця будуть такими чистими, як його призивце і та ідея, котрій він служить! Слава!

3-XII-930 г. Граєво.

Д. Лимаренко.

XCIX.

Глубокоуважаемый И. А.!

Приношу Вам мою искреннюю благодарность за приглашение на общеказачий праздник по случаю третьей годовщины выхода журнала „Вольное Казачество“.

Казаки моей станицы и я шлем Вам наше казачье спасибо за высылаемый журнал „В. К.“ и от души желаем Вам здоровья и сил на многие годы продолжать, поддерживать и укреплять в редактируемом Вами журнале казачий дух и казачий уклад жизни...

Искренне Вас уважающий *П. Недбаевский.*

Новый Сад. (Югославия).

C.

Глубокоуважаемый Г-н Редактор!

В день третьей годовщины существования журнала „В. К.“ казаки и казачки, проживающие в „Парэ-Лемоньяль“, приветствуют Вас, г-н редактор, и всех вольных казаков-работников на ниве Вольного Казачества.

С твердой энергией боритесь за наше Все Великое Вольное Казачество. Вы — не без нас, мы — не без Вас. В добрый час — смело к четвертой годовщине, в свои родные края, к своим родным казачьим станицам, под благовест родного колокола, к майдану родной станицы... И там своим измученным дедам и отцам, женам и детям принести заслуженную Казачью свободу и покой.

Да здравствует Все Великое Вольное Казачество!

С казачьим приветом: *Санжа Аршинов, Санжа и Екатерина Балдановы, Петр и Евдокия Пономаревы, Бадьма и Анна Ивановы.*

Франция. Декабрь.

CI.

До Славної Редакції журналу „В. К.“ в Празі.

Приносячи щиро подяку за запросини на Ваше редакційне свято, прошу прийняти наше, моє і дружини, сердечне привітання та щире побажання дальшого успіху у Вашій праці.

На превеликий жаль обов'язкова присутність в цей день на іншому засіданні позбавляє нас приємності відвідати це Ваше свято.

Прошу прийняти запевнення правдивої пошани

10-XII-1930.

І. Мірний.

CII.

Журналу „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“ желаєм существовать „во веки и веки“, а гг. редактору и сотрудникам — „Многая лета“.

Группа Вольных казаков в Монтаржи. Франция.

7-XII. 1930.

Под'ес. *А. Батицкий.*

CIII.

До редакції літературного і політичного журналу „Вільне Козацтво“ в Празі.

Вельмешановна Редакціє!

Від щирого серця вітаю Вас, гостей і все Вільне Козацтво з святом третьої річниці існування журналу. Дай Боже, щоб не було на світі ні одного козака, в серце котрого б не завітала свята ідея „Вільного Козацтва“, ідея котра так люба і нам, українцям. Поможі Вам Боже досягнути мети! Щиро дякую за ласкаве запрошення на це велике свято, дуже жалкую, що не маю змоги прибути в козачу сімью.

З правдивою пошаною *Юрій Кравченко.*

5-XII-930. Франция.

CIV.

В. Ш. Пане Редакторе!

... Вітаю Вас, бажаю щасливо веселитесь, я завше душею з Вами.

Слава всім, хто лиш кохає волю!..
(Франція). З пошаною до Вас Кошук.

CV.

Журналу „Вольное Казачество“.

Позволяю себе приветствовать редакцию и сотрудников журнала „Вольное Казачество“ с трехлетним юбилеем и пожелать ему полного благополучия и успеха в общем деле и полнейшего процветания всех его начинаний.

Хочется верить, и верить вопреки всему, что не так уже далек тот неизвестный час, когда замученная и оплеванная и друзьями и недругами многострадальная Родина потребует своих сынов к продолжению дела, прерванного грубой, пришедшей, невежественной толпой врагов.

И в этот час велико будет моральное удовлетворение от исполненного светлого дела, и я от всей души желаю всему Казачеству дожить и испытать этот чудный миг как высшую награду за тяжелый и ответственный труд.

Приветствую также всех читателей журнала, где бы они не были. Пусть отойдет от них тень усталости от борьбы за существование, пусть будет чисто и ясно их сознание, да не смущается дух их трудностью, да будут они бодры и сильны в своем одиночестве и расстройстве, ведь за черной ночью следует неизбежно расцвет. Этого да не забудет уставший и усомнившийся.

Франция. 28-XI-1930. М. Хранко.

CVI.

Глубокоуважаемый Г-н Редактор!

Ваше любезное приглашение в день новой годовщины существования Вами редактируемого журнала „Вольное Казачество“, мы получили и в пленарном заседании постановили: Выразить Вам и Вашим сотрудникам от имени Клуба „Кубанский Сокол“ особенную благодарность за стремление вырвать казаков из неволи, влить в них идею любви к своим родным землям, свободе и к своим утраченным правам, в то же время остерегаете от разных опекунов, давших, дающих и чающих дать только горе да нищету нашему Казачеству.

Идеи, защитником которых в данный момент являетесь Вы и Ваши сотрудники, — наши идеи и мы грубоко верим, что те казаки, кои не разделяют с нами наших идей, — современем поймут свои ошибки и близок тот час, когда мы все будем под одними знаменами, а идея Вольного Казачества для всех будет священна.

Еще раз большое спасибо Вам, г-н редактор, и Вашим сотрудникам за Вашу святую работу. Вперед без страха и сомнений, честно неся знамя Вольного Казачества. Мы с Вами!

Председатель: Г. Зозуля, казначей: Кудрявый,
секретарь: А. Николаев.
9-XII-30. Париж.

CVII.

Господину Редактору журнала „Вольное Казачество“.

Дорогих единомышленников казаков поздравляю с трехлетием родного журнала. Мой Вам казачий поклон и Бог Вам на помощь на благое дело.

3-XII-30. Югославия. П. Аверьянов.

CVIII.

Редакции и сотрудникам журнала „Вольное Казачество“, а также и всем вольным казакам, вдали от родных куреней в изгнании сущим, приношу свое искреннее поздравление по случаю трехлетнего юбилея этого казачьего журнала.

В единении сила и только соединенными усилиями всего Вольного Казачества, в братском союзе с друзьями по несчастью мы сможем осуществить нашу идею восстановления Казачества, а потому всей казачьей эмиграции пора уже оглянуться на пройденный путь, сделать правильную переоценку ценностей и, отряхнувши прах с ног своих, с новыми силами взяться за тяжелую, но благодарную в будущем работу по организации собственных казачьих сил для спасения своей родины, искренно веря в то, что казачье благополучие зависит только от нас самих и что казачья идея сможет осуществиться только казачьими руками.

За три года своего существования журнал „Вольное Казачество“ сделал в среде казачьей эмиграции очень полезную работу и приобрел среди казаков много сторонников и читателей этого журнала, в этом мне приятно было убедиться летом этого года при моих встречах с казаками, когда в путешествии из Европы в Америку я уверился, что где только не появятся вольные казаки и их журнал, сразу же найдутся новые приверженцы идеи независимости Казачества и новые читатели этого журнала. Это все красноречиво подтверждает то, что идея этого журнала находит отклик в казачьих сердцах, что есть еще порох в пороховницах и не ослабли еще казачьи силы.

Желаю всему зарубежному и под красным игмом находящемуся Казачеству, чтобы нашим девизом стало: „В своей хаті своя правда, і сила, і воля“.

С каз. приветом инж. Мих. Черныш.
5 дек. 1930 года. Нью-Йорк.

CIX.

... Из захолустного угла Польши желаю искренне в день третьей годовщины выхода журнала процветания и торжества нашего общего казачьего дела...

Казак ст. Верхне-Курморской Алексей. Текучев.

CX.

... В день третьей годовщины выхода в свет журнала „В. К.“, из далекого Востока приношу искреннее поздравление и сердечное пожелание успеха „Вольному Казачеству“!

Дай Бог следующую годовщину — четвертую праздновать на Кубани, среди родных и знакомых, в родных станицах и хуторах!

10-XII-930 г. Харбин.

Казак П. Ковган.

CXI.

Примите мое сердечное поздравление и далекий привет, дорогие станичники! От души желаю дальнейшей удачи и всего, всего хорошего. Мысленно с Вами. Югославия.

Людмила Костина.

CXII.

Шановний пане Редакторе!

Сердечно вдячний Вам за запрошення на чашку чаю. Коли мене промайне в мій думці слово козацтво то багато думок з'являться свого дня в Америці тоб то в Канаді, Сполучених державах, Аргентині та Бразилії шириться Українська Православна Автокефальна Церква. Ми українці познаємо її Рідною Церквою. А наші вороги москвини не придумали иншої назви як — козацька церква тоб то така, що не гне шиї перед Москвою, а стоїть за свій нарід спасибі їм за це.

... Бажаю братському й сусідньому козацькому народові, щоб слідуочого року в день річниці чотирьохріччя видання журналу „Вільне Козацтво“, в тому ж числі журналу було поміщено докладні відомости про обрання Патріарха Козацької Православної Церкви на Вільній і Самостійній Козацькій Державі, а ще через рік щоб на сторінках „Вільного Козацтва“ писалося про те, як в головному місті Української Народньої Республіки — Київі Патріарх Української Православної Церкви вітає у себе Патріарха Православної Церкви братньої і сусідської Козацької Республіки.

Хай же приятель, яка на чужині-вигнанню зароджується між козацькою та українською націями, ніколи не загине. Слава Козакиї і Україні, Слава!

Инж. Дмитро Савкевич. (Франція).

СХІІІ.

... Журнал „В. К.“ слывет третий год на целый свет. Бог Вам поможет, нехай слывет журнал „В. К.“ целый век. А Вам, господа, — редактор и сотрудники, — доброго здоровья желаю и славных много лет, а в делах рук Ваших успеха. Да поможет Вам Бог.
Сафонов. (Польша).

СХІV.

Журналу „Вольное Казачество“.

Казаки города Марсея (Франция) поздравляю свой журнал, Вас, г-н Редактор, и всех сотрудников... Журнал „Вольное Казачество“ единственный казачий орган, поддерживающий в нас казачий дух в достижении Великой цели — освобождения наших Краев. Ты один несешь Казачье знамя по заветам наших великих предков. Вступая в четвертый год своего издания, несешь так же гордо свое Казачье знамя, как нес его три года, испуская лучи правды и справедливости. Все попытки врагов Казачества и некоторых казаков преступников осквернить тебя не удалась. Все они разбились о мощные слова правды истинной казачьей светочи.

Казаки из Марсея. Подписал *С. Шепель.*

СХV.

Глубокоуважаемый г-н Редактор!

Сердечно поздравляю Вас и гг. сотрудников с 3-х летием выхода в свет журнала „Вольное Казачество“, который является сеятелем, разбрасывающим свое доброе семя уже три года по казачьим нивам, эхо которого раскатывается по белу свету, где есть только сыны Вольной Казакии, громко и родным звуком трубящий с призывом — крепче стали сомкнуть свои ряды вокруг нашего „В. К.“ во имя спасения наших стонущих под ярмом красной звезды Тихого Дона, Матери Кубани и Бурного Терека.

Ваши пути оправданы не только нами, казаками здесь, но и теми казаками, которые в настоящее время стонут „там“ в кайданах и на батьківщині, и в холодных, суровых, диких тундрах в порабощении. Они просят помощи и избавления.

А избавления добьемся мы лишь только тогда, когда все казаки, как один, сомкнут свои стальные ряды вокруг нашего путеводителя, который приведет пути наши к определенной цели славной Вольной Казакии! Помогай Вам Бог и в добрый час.

Ув. Вас казак ст. Упорной *Яков Негреев.*

Дек. 1930. Смедерево. Югославия.

СХVІ.

Милостивый Г-рь, Г-н редактор!

... Мысленно присутствуя среди родных казаков в этот знаменательный вечер, я шлю свой привет кубанца всем казакам и пожелаю отпраздновать еще много, много юбилеев существования журнала, но только у себя на Родине...

2 Хоперского полка, К. К. В. есаул *Кузнецов.*

10 декабря 1930. Персия.

СХVІІ.

Уважаемый Г-н Редактор!

... И желаю Вам, как правильным вождям скорого счастливого успеха.

С уважением, вольный казак, донец, Польша.
Георгий Еремин.

СХVІІІ.

Глубокоуважаемый станичник редактор нам родного журнала „В. К.“

... Группа шлет свои искренние поздравления... и наилучшие пожелания нашим братьям вольным казакам, там собравшимся за чашкой чая по случаю трехлетнего юбилея выхода в свет нам близкого сердцу журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“. Пусть оно, т. е. „В. К.“, четырехлетний юбилей справит на Дону — Кубани — Тереке с развернутым знаменем вольных казаков — Вольной Казакии.

Нас не страшат угрозы белых москалей и не пугают виды московских красных палачей; свое мы дело свято доведем, страною Вольною Казакией мы назовем.

Казак Д. В. ст. Усть-Медв. *Е. М. Смирнов;* К. В. лабинец *С. А. Гринкин;* Черноморец *С. Ф. Иващенко.* Болгария, с. Кочериново, фабрика Балабанова.

СХІХ.

М. Г., г-н Редактор!

... Дай Бог, чтобы следующий этот праздник праздновать у себя дома на родине — на Дону, Кубани и Тереке, также читать там журнал „В. К.“ и праздновать его юбилей с радостью и торжеством, читать о своем казачьем правительстве, о Раде и Кругах, о их деятельности, о казачьей армии, о морском и воздушном флоте, о постройках учебных заведений, о учащих — наших детях, о всех богатствах и нашей казачьей культуре...

... Журнал наш цветет и дай Бог, чтобы он еще больше процветал на радость нам, на страх нашим врагам; чтобы журнал своими вестями оповещал нас, чтобы мы все знали, кто мы, с кем должны бороться, за что и почему бороться.

Шлю свой казачий привет, счастья и здоровья и успеха в Ваших делах.

С ув. почтением, кубанец *Н. Сериков.*

Морава.

СХХ.

... Поздравляю с юбилеем...

С казачьим приветом *А. Грызов.*

Харбин.

СХХІ.

... А очень хотелось бы побывать в своей родной казачьей семье хот несколько часов.

Не теряю надежды, что скоро все увидимся и двинемся разом „тройками“ на восток (не московскими тройками с дугой, а с права по три)...

Примите горячий казачий привет, *В. Сидоров.*

Польша.

Убийство Ноя Рамишвили.

7 декабря, среди бела дня в Париже убит выдающийся политический и государственный деятель независимой Грузии Ной Виссаронович Рамишвили.

Направляясь на собрание грузинской социал-демократической организации в Париже, Рамишвили только что вышел из станции метро, как из-за угла внезапно выскочил неизвестный и, выхватив револьвер, два раза выстрелил ему в грудь. Обе пули попали в сердце.

Шедший с Н. В. Рамишвили другой деятель грузинской с.-д. партии не растерялся, схватил убийцу и, не смотря на упорное сопротивление, обезоружил его.

Приведенный в полицейский комисариат, убийца

показал, что он — грузин, 35 лет, и действовал по политическим побуждениям. Впоследствии же убийца, фамилия которого Чануквадзе, стал утверждать, что действовал он не по политическим побуждениям, а из мести за то, что Рамишвили будто бы лишил его места на заводе Пежо. Однако, заявление это, по словам главы грузинского правительства Ноя Жордания, решительно ни на чем не основано уже по одному тому, что никакого отношения к заводам Пежо Рамишвили не имел.

Убийца Чануквадзе всего 2 года тому назад приехал из СССР, а в последние месяцы неоднократно бы-

вал в советском полпредстве в Париже, собираясь снова вернуться в СССР. Если же принять во внимание, что большевики в последние годы выпускают эмигрантов в СССР особенно осторожно, требуя при этом вполне определенных и реальных доказательств „лояльности“ к советской власти, то мотивы, руководившие убийцей, путаница его первоначальных заявлений и роль „некоего в красном“ наводят на многие размышления.

Ной Виссарионович Рамишвили был одним из ближайших учеников и помощников Ноя Жордания, главы грузинской социал-демократии и национально-освободительного движения в Грузии. Родился он в Гурии, в селении Зедесуреви. Ему было 49 лет, и после него осталась жена и четверо детей в возрасте от 4 до 25 лет.

Выдающийся партийный деятель, Ной Рамишвили избирается в 1917 году членом Всероссийского учредительного собрания, затем Закавказского сейма и Грузинского учредительного собрания. По объявлении независимости Грузии он — первый председатель правительства Грузинской республики. Когда же председателем правительства становится Жордания, Рамишвили занимает пост министра внутренних дел, совмещая иногда управление военными и другими министерствами.

Не без основания большевики считали Ноя Рамишвили самым активным, настойчивым и энергичным своим врагом. Душою, организатором и верховным руководителем грузинского восстания 1924 г. они считали именно Ноя Рамишвили. Ной Рамишвили, особенно после восстания, стал для них олицетворением всякого протеста грузинского народа против большевицкого произвола и насилий, всякого проявления борьбы грузинского народа за свое национальное освобождение.

Не было бы поэтому ничего странного или необычного в том, если бы „некто в красном“ „незначай“ шепнул кое-что в этом роде жаждущему доказать свою „лояльность“.

Панихида по Н. В. Рамишвили в Праге.

3 января грузинская колония в Праге организовала гражданскую панихиду по погибшему Н. В. Рамишвили. Почтить память покойного и выразить свое сочувствие грузинской с.-д. партии и всем борцам за независимую Грузию, понесшим в лице Ноя Рамишвили огромную и непоправимую потерю, явились многочисленные представители всех „малых“ народов, стонущих под большевицким игом. Здесь были и белоруссы и армяне, украинцы и горцы Северного Кавказа, казаки и калмыки.

Основным мотивом речей, произнесенных представителями этих народов, была мысль, что ослабление или усиление рядов борющихся одного из „малых“ народов есть в то же время ослабление или усиление рядов борющихся и всех остальных и что теперь, когда грузины понесли такую потерю, нам необходимо теснее сомкнуть наши общие ряды в борьбе за общее дело национального освобождения и возрождения всех угнетаемых большевиками народов.

Сердечно теплое слово сказал и один русский, социалист-революционер Русанов, один из немногих, идущих до логического конца в своих убеждениях по национальному вопросу. Он считает, что принцип совре-

менной передовой политики, — принцип самоопределения народов вплоть до отделения от господствующего большого народа, — в полной мере применим и в отношении того государства, которое не бесосновательно считалось Российской тюрьмой народов. Он признает, что всякий грузин или украинец вправе так же любить свой народ, как русский или француз любит свой, и высшее благо его видеть в полной свободе распоряжения своими судьбами, высшим выражением которой является его государственная независимость. „Часто наши соплеменники за это называют нас предателями и изменниками. Однако, мы не смущаемся этим, ибо благо нашего народа мы видим в его мирном сожительстве с окружающими его народами, независимо от того, насколько велики они или малы“. Несчастье грузинского народа, потерявшего такого горячего патриота и крупнейшего государственного деятеля, каким был покойный Н. В. Рамишвили, он понимает поэтому вполне и искренне разделяет его горе.

Выступавший затем кубанский черкес Мурат Гатгогу горячо откликнулся на мысли г. Русанова, отразив отношение к ним, пожалуй, всех присутствовавших представителей российских меньшинств. Если бы, по мнению г. Гатгогу, вся русская демократия, которой в свое время большинство нарождающейся „инородческой“ интеллигенции верило и любило ее, осталась так же верной своим идеалам и в пореволюционное время, как осталась им верной группа Русанова, между нами не было бы того отчуждения, которое наблюдается в настоящее время, мы легко могли бы найти общий язык для разрешения всех вопросов мирного и дружного сожительства наших народов. Подавляющее большинство русской демократии испугалось, однако, своих старых идеалов, когда дело дошло до практического применения их в жизнь, отшатнулось от них и стало слишком недоверчиво и нетерпимо относиться к самостийничеству „инородцев“. Эти боязнь и недоверие показывают, что подавляющее большинство русской демократии так же стремится к подчинению интересов малых народов интересам русского народа, как это делала и старая Россия, и к удержанию их в орбите русской государственности всякою ценою. При таких же условиях малые народы имеют слишком много оснований для того, чтобы не верять в бескорыстность ее действительных стремлений. С группой Русанова-Чернова можно было бы о многом договориться, но она слишком незначительна численно, и почти вся русская общественность клеймит ее и поносит, как предательство русского национального дела. Об этом можно только искренно пожалеть.

От чехословацкой социал-демократической партии в большой прочувствованной речи соболезнование грузинской социал-демократии и грузинскому народу высказал сенатор Соукуп.

Редакция „В. К.“ послала в свое время письмо Грузинскому Пр-ву в Париж с выражением соболезнования по поводу случившегося, а 3 января, через одного из своих сотрудников, еще раз выразила свое сочувствие Грузинскому народу в постигшем его горе.

Ной Рамишвили убит. Да здравствует грузинский народ!

Казачья эмиграция.

От редакции.

Всем тем, кто поздравил нас с праздником Рождества Христова и Новым Годом, — сердечное спасибо!

В Париже.

20 декабря 1930 г. в помещении УМСА (10, бул. Монпарнас) состоялся доклад Председателя Казачьего Союза г. Мельникова на тему: „Казачество в будущей России“. Ничего нового, как это и следовало ожидать, докладчик не сказал, но все же небезин-

тересно отметить некоторые места доклада „носителя дум и чаяний Казачества“ о том, как он мыслит будущую его роль в будущей России.

Как всегда в своих литературных, так и на этот раз в устных изложениях вопросов о судьбе Казачества, Мельников заводит себя в тупик, из которого потом старается выбраться путем очень неудачной

подтасовки фактов, или умолчания тех или иных фазисов в истории жизни Казачества, которые ярко характеризуют истинные стремления и чаяния казаков.

Начав с того, является ли необходимым в настоящее время существование Казачества с его прежними функциями, которые оно выполняло, или, быть может, те функции и та роль, которую играло Казачество в дореволюционной России, утеряли теперь свое прежнее значение? — На этот вопрос г. Мельников дает положительный ответ и заявляет, что роль Казачества не кончилась, а потому существование его для России необходимо.

„Благодарно“ раскритиковав те русские полит. круги, которые смотрят на казаков, как на бывших царских опричников, душителей всяких попыток русского народа к осуществлению великих идеалов: Свободы, Равенства и Братства, докладчик переходит к защите Казачества от этого ложного мнения. — Как могут казаки быть душителями идеалов, носителями которых они являются сами спокон веков и всегда осуществляли их не только на фронтонах зданий, как здесь во Франции, а в самой жизни. Казаки искони были вольны и свободолюбивы и это резко отличало их от остального русского населения, в большинстве рабски-крепостного. Здесь Мельников и начинает заводить себя в тупик.

— Они не только защищали свою свободу и вольности, но их земли всегда были очагом всех обиженных и угнетенных, они давали приют всем, кому свобода и воля были дороже всего в жизни. Равенство и Братство также находили яркое отражение в жизни казаков; за это говорит казачья взаимная поддержка и взаимная выручка, как на войне в бою, так и во всех ост. случаях жизни. На казачьих сходах разве имели какое либо значение отличия, звания или ранги?

— Все там были равны перед сходом.

Казаков называют также военным сословием, предназначенным для охраны обширных окраин Российского Государства. — Это тоже не верно, потому что среди казаков были Старшины, рядовые казаки, торговые казаки, ремесленники и т. д., что является также сословным подразделением.

Затем Мельников останавливается на заслугах Казачества в эпоху смуты и „гражданской“ войны. — Казаки проявили большую политическую и государственную мудрость, которой, „многим“ бы следовало поучиться. В исключительно трудное время они создали подлинную государственность на основах свободы и народоправства, организовали сильную армию (и умирали в этой армии в сознании исполнения долга казака и гражданина, защищая СВОЕ ГОСУДАРСТВО, а не бежали в Москву как нек. другие. Т.)

Вот тут то и возникает вопрос, который и должен бы быть отправной точкой всего доклада. — Так что же такое, в самом деле, Казачество и кто такие казаки?

Обойдя этот коварный вопрос, Мельников переходит к тому, чего желало Казачество (Донское только) в эпоху революции и войны. Умело подтасовав факты и резолюции Войск. Кругов, Мельников приходит к тому, что казаки желали федерацию с Россией и как доказательство приводит резолюцию В. Кр. в июне 1917 г. при Атам. Каледине. Это в то время, когда казаки еще не знали и не решили какую им занять позицию по отношению к России, но уже одним своим актом, невидячи Ат. Каледина, показали чем желает быть Казачество. Резолюцию же Б. В. Круг. 1918 г. при Ат. Краснове, где ясно пункт первый Донской Конституции гласит: „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство основанное на началах народоправства“, Мельников дипломатич. упустил из виду или забыл, но один из присутствовавших станичников скромно напомнил, спросив Председателя Правительства, по не знанию или с какой либо иной целью не сказал он об этой „резолюции“?

На это Мельников ответил, что он многое не сказал, полагая, что об этом знают все. Затем Мельников переходит к Юговосточному Союзу. Аналогичная резолюция (о федерации) была вынесена при образовании Юговосточ. Союза Дона, Кубани, Терка и Гор-

ских Народов Кавказа, где говорилось, что до образования законной и обще признанной Российской власти Союз является самостоятельным Государственным образованием с правом издавать законы общие для всего Союза и утверждать законы, изданные местными законодательными учреждениями каждого его члена, не противоречащие общим законам. По свержении же большевиков и образовании новой власти в России, войти в нее как федеративная ее часть с правами своего краевого законодательства. Эта резолюция была одобрена позже и на Общ. Каз. с'езде в Сербии в 1923 г. и как бы продолжением и носителем этой казачьей идеи является Обще-казачий Союз, „председателем которого я имею честь состоять“. Программа его: (не смотря на то, что она всем хорошо известна, Мельников приводит ее полностью)..., а потому надо желать не отделения от России, а вхождения в ее состав с правами широкого народоправства и издания своих законов, не противоречащих обще-русским законам и т. д. и т. д.

Из оппонентов ему выступали проф. Сватиков, г. Карев, проф. Марков и др.

Проф. Сватиков между прочим высказал:

— Судя по докладу, так себе мыслит и представляет Казачество только г. Мельников, но я склонен думать, что не так мыслит об этом само Казачество. Чтобы говорить о будущей роли Казачества в будущей России, нужно прежде всего определить, что такое Казачество и из этой точки исходить, а потому право Вольное Казачество, исходя из того, что казаки являются самобытной народностью со своим особым укладом жизни и обычаям, что совершенно отличает их от остального русского населения, а потому Казачество имеет право на совершенно самостоятельное Государственное существование, хотя я и не разделяю их точки зрения по многим вопросам.

Выступление Карева, который обвинял Мельникова в измене присяге Войску Донскому, чуть не кончилось инцидентом. К счастью, кто то с места сказал, что Мельников вовсе не присягал на верность Дону, а кто то другой заявил: значит, г. Мельников и не ответственный за свои действия и политику перед Казачеством? На это Мельников бледно возразил: когда я становлюсь во главе какого либо дела, я всегда ответственен за него.

Собрание затянулось очень долго и проф. Марков не успел высказаться, но предложил перенести продолжение прений на следующее собрание, выразив желание пригласить на него и русских общественных и политических деятелей. Послушаем де, что они скажут, как они смотрят на Казачество (а то мы сами не можем дать ладу и разобраться в наших казачьих делах! Т.) Не сказал своего заключительного слова и г. Мельников.

Аудитория была не многочисленная и, судя по аплодисментам после доклада, не принадлежала к числу сторонников Мельникова.

Следующее собрание перенесено на неизвестный день.

Париж. 1930.

А. Тульцев.

Парижские письма.

Выход первого номера жур. „В. К.“ в свет порадовал всех. Большинство из тех казаков, кто имел возможность получить первый номер журнала, перекрестились и ожидали дальнейшего развития событий. Первой и неотложной задачей, перекрестившихся казаков, было поделиться мнениями с остальной казачьей массой. Встреча казаков, в прошлом одних взглядов на казачью государственность, они узнали их с журналом „В. К.“. Эти казаки подошли ближе к Вольно-казачьему делу и впоследствии стали в ряды бойцов обездоленного Казачества за его лучшее будущее.

Второй и неотложной задачей являлось поговорить с казаками-монархистами, фигурировавшими на страницах печати и волновавшими Казачество на протяжении десяти лет. Таковых казаков очень мало и они известны казакам со страниц печати. От некоторых

из них приходилось слышать по адресу инициаторов Вольно-казачьего движения, два слова: „Авантюристы или авантюра“. Признав в тебе, самое меньшее, сочувствующего этому делу, они старались косо на тебя смотреть, а иногда „трудно“ было к ним подойти. Окрестив Вольно-казачье дело, они не придавали вначале этому движению особого значения.

Шаг за шагом инициативная группа Вольного Казачества, отстаивая каждую пядь Казачьей Земли, обильно политой кровью наших прауродителей и нас самих, будировала умы и сердца казаков и казаки потянулись в ряды Вольного Казачества.

В № 71 жур. „В. К.“ среди приветствий из Парижа я встречаю такую фразу: „Показателем этого может служить то, что все враги Вольного Казачества не на шутку призадумались над казачьим вопросом да и Казачество поняло, что ему дороге — Москва или свои Родные Края, в которых в настоящее время бесцеремонно хозяйничают московские люди“. Казачество поняло и „поняли“ русские люди, но главным образом в Париже не обошли нас своим „понятием“ в высших монархических кругах, так называемые опекуны и на своих собраниях им не один раз приходилось обсуждать вопрос о самостоятельности. Подвергнув казаков всевозможным „анализам“, монархические собрания приходили к малоутешительному для них выводу и для того, чтобы Вольно-казачье движение спровадировать — был принят целый ряд мер. Открыв травлю в печати, монархисты попутно искали среди казачьей войсковой старшины преданных лиц, чтобы последние смогли, путем накопления своих сил в редакции „В. К.“, повернуть вспять колесо Вольного Казачества. Приходили они и к такому заключению, что России спасти сразу нельзя, а можно по частям. Плацдармом для будущей борьбы по освобождению России они снова избрали казачьи области.

После того, как им не удалось повернуть колесо вспять, они убедились, что дразнят казаков — „пчел“, а поэтому решили идти самостоятельным навстречу с тем, чтобы иметь среди последних своих людей, через которых впоследствии можно было бы все взять в свои руки.

20 декабря 1930 г. состоялось, по первому объявлению в „П. Н.“, „вступительное слово“, а по второму „собеседование“ г. Мельникова на тему: „Казачество в будущей России“ (См. „Пос. Нов.“ от 20 дек. 1930 г.). После вступительного слова или собеседования, в числе других выступил в качестве оппонента депутат В. Круга, который наколот докладчика на острие казачьей пики за измену или подтасовку Осн. Зак. В. В. Донского. Казаки апплодировали депутату. Оказалось, что выступление депутата в защиту Осн. Зак. на собеседовании для присутствующих было непонятно и неожиданно. На этом собрании присутствовал и один из сотрудников „В. К.“, которому удалось узнать, что депутат является в качестве инициатора некоторого „комитетского“ дела и что собрание „комитета“ состоится 21 дек. в 2 ч. дня в окрестностях Парижа. Пришлось поехать туда и отгадать неожиданное и непонятное.

В 2½ часа дня появляется, в одном из ресторанов на В-d Victor Gugo, депутат В. Круга, которого представил нам один из казаков „комитета“. Подойдя к нам он сказал: „Здравствуйте самостоястники“. Сейчас же начался разговор на политическую тему. По словам его, ему не нравятся действия некоторых в. к., в том числе и действия Редактора жур. „В. К.“ и само название „Вольное Казачество“ как бы устарело, а поэтому он решил попробовать создать самостоятельную организацию, назвав ее: „Лига Возрождения Казачества“. Касаясь программы новой лиги, он заявил, что программа ее отличается лишь тем, что она как бы сглаживает некоторые „острые углы“ и „резкости“ в программе Вольного Казачества. По его понятиям, всетаки казаки — русские люди, порвать как-то сразу с Россией для них кажется часто не осуществимым и приводит их в смущение. А потому, в программе нет принципиальных расхождений, а существует чисто тактиче-

ская разница в методах проведения в жизнь этих программ.

А на самом деле разница программ сводится к следующему: программа Вольного Казачества определенно говорит о казачьей государственности; программа „Лиги Возрождения Казачества“ допускает возможность соглашения и вхождения в состав Российского Государства.

Указывая на украинский жур. „Тризуб“, депутат сказал, что если антибольшевицкие силы появятся на территории Украины, то украинцы их будут принимать как и большевиков. Напомнил здесь же о младороссах и об „едином фронте“ и что не лишена возможность высадки десанта „общих антибольшевицких сил“ на Кавказе или в казачьих областях, а поэтому „не мешает и с ними иметь известное единение для общей борьбы против большевиков“. Дойдя с ними до Родных Краев, мы, казаки, пойдем освобождать Дон, а они на Москву...

Заканчивая свое слово депутат говорит, что с нами (т. е. с ними) те, кому интересы Казачества прежде всего, дороже всего и друзьями „Л. В. К.“ могут быть все те организации и объединения, которые окажут моральную и материальную поддержку „Л. В. К.“ в борьбе с общим врагом — большевиками. Ими могут быть: украинцы, грузины, кавказцы, казаки и русские.

После всего сказанного, депутат В. Круга предложил собраться 14 казакам высказаться откровенно. Был избран председатель, который вел запись желающим сказать слово. Сотрудник „В. К.“ сказал, что это „повторение прошлого, повторение того, что было у нас с доброармией“. Казак Т. сказал, что ему непонятна программа „Л. В. К.“, а сравнивая ее с программой Вольного Казачества, подчеркнул, что там ясно указывается, что Казачество должно иметь независимое государство, основанное на началах народоправства.

Что касается остальных, то они говорили в духе депутата. Председатель собрания предложил желающим записаться в „Центральный Комитет Л. В. К.“, предупредив, что ежемесячный членский взнос равняется 50 фр.

Принимая во внимание все те сведения, которые были получены в Париж до появления среди казаков „комитетов“ и сопоставляя их с тем, что сказал депутат ставший было на „защиту“ Осн. Зак. Д. Войска, становится все яснее белого дня.

24 декабря 1930 г. Париж.

И. Скобелин.

Общеказачья станица в Афинах.

Общеказачья Афинская станица сравнительно молодая. Свою жизнь начала лишь год тому назад. Станица имеет в своем составе около ста казаков, донцов и кубанцев главным образом. Есть одиночки — казаки и других Войск.

В станице есть и природные казачки, но многие казаки поженились здесь, в Греции.

Казаки народ трудолюбивый и безработных в станице нет. Работают главным образом по малярному делу и довольно прилично зарабатывают. Есть и такие, которые служат в канцеляриях.

Некоторые казаки обзавелись недвижимым имуществом, т. е. приобрели себе, хотя небольшие, но собственные домики на окраинах Афин.

Казаки живут дружной, сплоченной семьей и в общину друг друга не дают.

Раньше станица имела приют в русской гимназии, но казаки, оставаясь благодарными администрации гимназии за приют, все-же чувствовали себя там чужими. Задумали создать свой собственный угол, свое казачье гнездо, куда-бы слетались, как степные орлы в часы досуга, поговорить — погутарить по казачьему, так как душа хочет, но средств у станицы никаких нет и взять их неоткуда. Для изыскания средств администрация станицы с благословением станичного сбора устроила концерт-бал. Бал оказался удачным. Посетителей было много. Две залы были полны полны. Были и представители Дипломатического корпуса.

Все казаки на балу были с национальными флаж-

ками: донцы с донскими, кубанцы с кубанскими. Несмотря на то, что бал затянулся до 7 часов утра — расхотится никому не хотелось и окончательно бал был закрыт лишь в 8 час. утра.

В новом Казачьем Доме будет канцелярия станицы, бюро труда, касса взаимопомощи, больничная касса, небольшая библиотека-читальня и казачий недорогой буфет.

Велика заслуга администрации станицы, понесшей большой труд в этом деле. Благодарные казаки никогда не забудут их доброго дела.

Политических разномыслий в станице нет. Все чистокровные казаки стоят на казачьей дороге, указанной в казачьих Конституциях, и с этого дороги они не сойдут.

Да хранит Бог станицу и ее администрацию.

Декабрь, 1930. Афины.

Н. В. Примеров.

Казаки-инженеры в Северной Америке.

Судьбе угодно было забросить казаков-эмигрантов в центр Соединенных Штатов (штат Небраска), где они без знания языка и местных условий начали пробивать себе жизненную дорогу, а теперь уже прочно осели и работают в самых разнообразных отраслях агрономии. Вот эти казаки-инженеры: 1. М. М. Афанасьев, казак Котовской ст-цы, Хоперского округа, В. В. Д., работает при штатном университете в департаменте растениеводства по фитопатологии, главным образом с вредителями картофеля и кукурузы.

Он окончил Брненский Политехникум по инженерно-агрономическому отделению.

2. В. И. Абашкин, казак Трехостровянской ст-цы, В. В. Д., работает при штатном университете в департаменте геологии и землемерии по изысканию почв штата Небраска.

Он окончил Пражский Политехникум по инженерно-агрономическому отделению.

3. Б. Н. Булаткин, уроженец гор. Ейска, работает при штатном университете в департаменте почвоведения, главным образом, химические и физические свойства почвы штата Небраска.

Он окончил Пражский Политехникум по инженерно-агрономическому отделению.

4. П. И. Колачов, казак Атаманской ст-цы, Сальского округа, работает как химик и бактериолог в огромной молочной компании в 4 больших городах штата Небраска.

Он окончил Пражский Политехникум по инженерно-агрономическому отделению.

5. Ф. К. Попов, казак Нижне-Чирской ст-цы, 2 Донского округа, работает чертежником в главном штатном управлении штата Небраска в департаменте мостов.

Он окончил Брненский Политехникум по инженерно-агрономическому отделению.

Казаки-инженеры приехали в Соединенные Штаты Америки из Чехословакии всего год—два тому назад. Все они признаны научными учреждениями Америки как магистры агрономии.

К.

Бедственное положение калмыков в Польше.

Их там 12 человек. Большинство их жены на местных женщинах и большинство же (9) без работы и терпят горькую нужду в полном смысле слова. Двое из них полные — инвалиды: Даржинов — Кутейников. ст. — слеп на оба глаза; Бадьма Мусов — Власовской станицы — безногий. Отсутствие в Польше соотв. общественной организации, невозможность найти работу и оторванность от главной массы своих собратьев усиливает в них последствия голода и холода.

Все они решили выехать во Францию, Сербию, Болгарию или Чехию, но ни у кого нет средств и даже связи со станичниками и знакомыми. Они просят своих станичников, знакомых и вообще калмыков выручить их, помочь, кто чем может, хотя бы советом, добрым словом. Имена их: Санжа Бемб. Абушинов — Чунусовск. ст., Эрнжен Вадашкин — Платовск. ст., Пурве Бултуков — Бурульской ст., Сергей Каменов ст. Кутейник, (имеет раб.), Ив. Бембинов — Кутейн. ст. (имеет раб.), Леон Мотуков — Кутейн. ст. (работает), Бадьма Митрошнов — Кут. ст., Санжа Карпов — Бурульской ст., Джеваков — Кут. ст., Бадьминов Музей — Эркетинск. ст.

Известен только адрес С. Абушинова: *Siergiej Abuszynow, ul. Nadwislanska, 2, m 10. Warszawa (9) Pologne.*

Касса взаимопомощи сотрудников журнала „В. К.“

Ввиду просьб некоторых сотрудников о материальной помощи, редакция „В. К.“ решила учредить свою, чисто товарищескую „кассу взаимопомощи сотрудников журнала „В. К.“ на случай болезни“. Средства кассы составятся из 5% отчислений с гонорара сотрудников и 5% надбавки к гонорару в пользу кассы от редакции, — таким образом 10% от гонорара каждого номера журнала будет передано в кассу. Это, конечно, не много и на большую помощь рассчитывать нельзя, но в беде, а особенно старикам, и небольшая сумма все же лучше, чем ничего.

Новые культурные казачьи силы.

Правление Брненского хутора ОКСС в Ч. С. Р. извещает, что в ноябре—декабре прошлого года Брненский Политехникум окончили: Борис Попов (донец) — по электро-мех. отд.; Влад. Щедрович (куб.) — по электро-мех. отд.; Михаил Еремин (уралец) — по агрономическому и Василий Исаев (герец) — по землемерному отделению.

Кубанский календарь на 1931 год.

Общество „Вольная Кубань“ в Белграде издало „Кубанский календарь на 1931 год“.

В календаре есть целый ряд полезных сведений (более подробный отзыв дадим в следующем номере).

Выписывать можно из Кубанской канцелярии в Белграде. Цена 20 динар.

Яицкие (Уральские) казаки в Австралии.

На тростниках.

Окончание рубки.

На сборе хлопка.

На рубке тростника.

*Приезд архимандрита
о. Мефодия в Cordoba.*

На рубке тростника.

В Казакии.

Новые вести с родины.

27-го прошлого декабря в помещении пражского ОКСХС под председательством Ф. А. Щербини состоялся доклад П. Н. Зозуленка, уроженца г. Екатеринодара, бежавшего из СССР в конце лета текущего года. Г. Зозуленко — техник-строитель, жил в Екатеринодаре включительно до 1927 года, а после этого — на Украине. В последнее время работал на постройках в районе Каменец-Подольска, откуда и бежал в Румынию, переплыв Днестр с сынишкой на плечах.

Голод 21 года в Казачьих Землях и в особенности на Кубани, по мнению докладчика, далеко не дошел бы до такой степени и до таких ужасных последствий, какие имели место в действительности, если бы сама советская власть старательно не подготовила соответ-

ствующих условий для этого. Недород был большой, — это верно. Но люди не умирали бы с голоду, как это было в действительности, если бы население имело запасы от прошлых урожаев. Однако, советская власть, как только захватила в свои руки Казачьи Края в 20 году, забрала у нашего населения буквально все до зерна. Поэтому на Кубани в 21 г. был такой голод, которого не было никогда раньше и, вероятно, не будет и в будущем.

Положение ухудшалось еще и оттого, что под влиянием большевицкой агитации, распространявшей слухи, будто в Казачьих Краях хороший урожай, сюда двинулись большие массы с Поволжья.

Хотя советская власть и объясняла голод неурожаем и условиями войны, тем не менее ее поведение и отношение к населению во время голода подорвало до-

верие к ней даже и со стороны иногородних, которые в 18—19 г. г. возлагали на нее свои надежды. Под влиянием общего несчастного положения, иногородние скоро пошли на примирение с казаками. Старая вражда между казаками и иногородними почти совсем прекратилась. Но это было не в интересах советской власти, потому что ей не на кого было бы опираться в таком случае. Поэтому большевики стали искусственно поддерживать и раздувать старую рознь с тем, чтобы не только не дать иногородним слиться с казаками, но, нейтрализовав первых, с их помощью держать в повиновении вторых. Однако, начавшегося примирения между казаками и иногородними не могли остановить даже и большевики, такие мастера агитации. И теперь, уже к 27 году, примирение это вполне закончилось.

То же наблюдается и на Дону, хотя о Доне докладчик и не может говорить с такою уверенностью, как о Кубани.

Когда же советская власть убедилась, что иногороднее население окончательно ушло из-под ее влияния и слилось с казаками, она, хотя и не официально, стала усиленно поощрять переселение крестьян из России. Официально переселенцам из России в Казачьи Края льгот не предоставляется. Им только говорят, что там прекрасные земли, которые казаки не могут или не хотят обрабатывать; прекрасный теплый климат; а в 20 году им говорили даже, что казаки чуть не поголовно разбежались и их хозяйства с коровами и проч. заброшены и ждут тех, кто бы завладел ими. Хотя последнее скорее похоже на анекдот, тем не менее и это имело свое большое влияние. Со многих концов России переселенцы потянулись в Казачьи Земли еще с 20 г. Переселяются и теперь, хотя после 22 года по закону новым пришельцам и не полагаются земли. Тем не менее им дают землю. Фактически же эти новые пришельцы ставятся властью в привилегированное положение в сравнении со старым населением, казаками и бывшими иногородними. Им отводятся лучшие земли, в больших нормах, их меньше облагают и т. д., словом, за ними ухаживают власти. Это, естественно, вызывало раздражение и даже озлобление со стороны старого населения и особенно со стороны казаков. Бывали случаи, когда дело доходило даже до того, что казаки вырезали целые небольшие новые поселки, размещавшиеся на лучших землях станичного юрта.

Судьба этих новых пришельцев, ставших иногородними по отношению ко всему старому населению, их положение и благополучие целиком связаны с существованием советской власти. Поэтому они всячески поддерживают ее. Зато тем больше и тем острее ненавидит большевиков и их власть старое население, причём у бывших иногородних эта ненависть часто выявляется даже больше, чем у казаков.

Грабёж населения советская власть производит под видом раскулачивания. В первое время, в 20 году, раскулачивали казаков при помощи иногородних и отчасти самих же казаков. Затем стали раскулачивать тех, кого раньше считали середняками. В число раскулачиваемых теперь попали уже и иногородние, и это послужило первым толчком к объединению их с казаками. В дальнейшем кулаком оказывался всякий, у кого можно было что-либо отнять.

Возвращавшихся эмигрантов вначале совсем не трогали. Их пропускали через ГПУ и отпускали по домам, и они могли жить, как и все. Обрадовавшиеся «возвращенцы», конечно, стали писать за границу соответствующие письма. Но большевикам только этого и надо было, чтобы таким путем разложить оставшихся за границей. Когда же приток возвращающихся прекратился, приехавших стали преследовать. Очередное раскулачивание было направлено главным образом против них. Конечно, их ограбили так же, как и других раньше грабили, а многих и расстреляли или отправили в ссылку.

Далее докладчик рассказывает о совхозах и так называемых зерновых фабриках, т. е. тех же совхозах, только более крупных и лучше технически оборудованных. Этот вид советского хозяйства весьма выгоден для власти в том смысле, что действительная стоимость получающегося в них зерна обходится дешево, так как батрак, работающий в совхозе, никогда не получал бо-

лее 40—50 коп. в день реальной заработной платы. Однако, злоупотребления администрации, беспорядок и бесхозяйственность сводят на нет выгоды, получающиеся от эксплуатации рабочей силы, и хозяйства эти остаются убыточными для государства.

Коллективизация происходит насильственно. Хлебороб не может не идти в коллектив. Тех, кто сопротивляется вхождению в коллективы, преследуют всеми способами вплоть до арестов и высылки. Коллективы удобны тем для большевиков, что из них легче, чем у отдельного хлебороба, выкачивать хлеб. Но хлебороб и в коллективах продолжает сопротивляться грабежу большевизмом государства. До тех пор, пока во главе управления коллективов стояли местные люди, само собою разумеется, что и они сопротивлялись тому, чтобы государство оставляло на едока всего 16 пудов хлеба в год. Тогда из центра России было послано на окраины СССР 25 тысяч мобилизованных рабочих — активистов, на обязанности которых было там организовать управления коллективов, чтобы все требования государства на хлеб выполнялись беспрекословно. Формально 25-тысячники посылаются, как инструктора по организации колхозов, фактически же они становятся во главе управления всеми делами их и выкачивают из них все, чего требует Москва, совершенно не считаясь с тем, хватит или не хватит колхозникам прокормиться до нового.

Положение рабочих далеко не так благополучно, как о том пишут советские газеты. Рабочий на фабриках и заводах в настоящее время работает не менее 9 часов в день, а на стройках — 10—11 ч. и получает при этом 10—15 коп. реального заработка. Достигают этого большевики при помощи ударничества. Собирается на каком-либо заводе ударная группа рабочих, которой дается задание достичь наибольшей производительности работы в известный промежуток времени. Производительность в таких случаях часто достигается двойная и даже тройная. Собранные таким образом сведения направляются в Москву, откуда на основании этих материалов в порядке приказа даются соответствующие пониженные расценки. После нескольких таких снижений расценки в конце концов оказались настолько низкими, что рабочему приходится при крайнем напряжении даже удлинять свой рабочий день и получать все-таки грошовый заработок. В своем кооперативе рабочий, особенно не семейный, фактически лишен возможности покупать товары и продукты по государственным расценкам, так как не имеет возможности стоять в очередях. Он вынужден поэтому пользоваться частным рынком, на котором фунт хлеба стоит 1 рубль, фунт масла — 10 р., сапоги — 200 р. Чтобы не голодать, рабочему «добровольно» приходится работать 10—11 ч. в день. Рабочие не выдерживают таких расценок и бегут. Но большевизмкое начальство «сверху» жмет технический персонал, требует «суметь заставить рабочих работать». Поэтому приходится прибегать ко всякого рода «комбинациям», на которые до поры до времени и само начальство смотрит сквозь пальцы.

Одежды нет. Нельзя же в самом деле считать, что рабочих одевают, если на союз в 2000 человек присылают 20 талонов, по которым можно купить в кооперативе одежду. Эти талоны ведут только к тому, что все рабочие перессорятся между собою, а одежда в конце концов попадает в руки всякого рода «начальства». С продуктами дело обстоит также плохо. Мяса почти нет. В прошлом хоть конины было много, так как крестьяне убивали лошадей на мясо. А теперь даже в армии, за которую большевики всячески ухаживают, мясо выдают всего 2—3 раза в неделю.

В «гражданскую» войну рабочие поддерживали советскую власть. Теперь и они отвернулись от нее. На рабочих теперь большевики не могут полагаться почти так же, как и на хлеборобов. Но это относится главным образом к Югу, — Украине и Казачьим Краям. Положение рабочих, да и всего населения, в России значительно лучше. В то время, как на Украине и в Казачьих Краях забирают чуть не под метелку всю пшеницу и население вынуждено питаться житным хлебом, в Москве, как и вообще в городах России, едят белый украинский и казачий хлеб. Да и вообще надо

сказать, как ни маскируются московские большевики, во всех их действиях проглядывает настойчивое стремление к тому, чтобы утвердить господство в СССР „преобладающей национальности“. Это еще в большей степени подогревает самостийные настроения и стремления среди других народов. Что же касается Украины, настроения которой за последние годы докладчик особенно хорошо знает, то среди украинцев в настоящее время не самостийников нет, национально-самостийное движение захватило всю массу украинского населения, и только еврейство, подобно новым иногородним в Казачьих Краях, активно поддерживает Москву. Подобные настроения наблюдаются и в Казачьих Землях, — на Дону и особенно на Кубани.

Москва явно боится самостийных настроений и поэтому особенно внимательно следит за поведением интеллигенции „окраин“. Поэтому положение последней на Юге особенно тяжело. Наблюдается, особенно в последнее время, после расформирования окружных управлений, массовое бегство интеллигенции с Юга на Восток, — в Туркестан, на Урал, в Сибирь. Вместо уходящих приходят интеллигенты из России. Замечательно при этом следующие обстоятельства. Русской интеллигенции также тяжело живется в России. Ее там также жмут и преследуют, и она там настроена против советской власти. Но, обжившись некоторое время на Украине и убедившись в самостийных настроениях украинских масс, русские интеллигенты обращаются лицом к той власти, которая еще недавно преследовала их на родине, и добросовестно поддерживают ее в борьбе с „оукраинным сепаратизмом“.

О пятилетке докладчик говорит, что никаких ее результатов на Украине не видно и до сих пор, хотя уже прошло около 3 лет. Когда составлялся пятилетний план, он обсуждался на многочисленных рабочих собраниях. Большевики требовали, чтобы ничто не было пропущено, планы много раз возвращались на места для дополнения, и в них заносилось столько, что и за 20 лет невозможно осуществить. Поэтому уже в то время в рабочих кругах составилось представление, что дело это несерьезное, что планы эти составляются не для осуществления, а для разговоров и втирания очков. И действительно, на Украине до сих пор не осуществлено ровно ничего из того, что намечалось. О пятилетке поэтому говорят теперь только казенные ораторы на официальных собраниях.

Можно прямо сказать, что на Украине и в Казачьих Краях нет таких слоев населения, которые в трудную минуту активно поддержали бы советскую власть. Большевики это знают лучше, чем кто бы ни было другой, и потому войны или интервенции они боятся больше всего. Здесь говорят о том, что они участвуют в каких то дипломатических комбинациях, организуют какой то союз государств с Германией, Италией и т. д., чтобы поднять войну. Весьма возможно, что это они действительно делают, даже наверное стремятся поднять такой шум. Но воевать сейчас и еще долгое время они не будут, даже если бы в такую войну и втянулся кто-либо из их предполагаемых союзников. Воевать они не будут, потому что не могут, потому что знают, что сейчас война для них — гибель.

Через 10 лет в СССР будут уничтожены все старые поколения, могущие сравнивать прошлое с настоящим и таким образом составлять истинное представление о советской власти и всех „благах“ жизни под нею. Их сменят новые поколения, которые воспитываются в стадности и беспрекословном повиновении власти. И тогда большевики будут воевать, может быть даже и без союзников. Вам же, которые и до сих пор ничего не сделали и в будущем не сделаете, придется и еще дальше увязать, кому удастся.

Ф. В.

Что делают оккупанты?

На хлебном фронте.

„Крепче колхозный буксир в единоличном секторе! Славянских, тихорецких и лабинских оппортунистов, де-

мобилизующих организации в решающие дни хлебозаготовок — к ответу!.. Упорно бороться за хлеб!..“ кричит Ростовский „Молот“ 14 декабря пр. года.

„Оперативная сводка хлебозаготовок“ на 15 декабря („М.“ 19 дек.) свидетельствует, что „тянут вниз заготовки в крае: Миллеровский район, Кушевский, Брюховецкий, Тихорецкий, Кореновский, Тимошевский, Славянский, Кропоткинский (Кавказский?), Армавирский, Ново-Александровский, Курганный, Оградненский, Ессентукский, Георгиевский, Александровский, Лабинский. По сильно отстающему здесь единоличному сектору план выполнен на 45—65%“.

Из „оперативной сводки“ на 20 декабря:

„Итоги заготовок за 20 дней декабря — 11 проц. месячного и 86 проц. годового плана — со всей категоричностью требуют от каждой районной и сельской организации действительной мобилизации всех сил на хлебозаготовительную работу, особенно в единоличном секторе. В ряде районов этой мобилизованности не чувствуется даже и сейчас, в решающие дни заготовок. Некоторые сельские организации „переключились“ на самотек, отдельные работники дезертируют с фронта заготовок или всячески уклоняются от практического участия, от работы в кварталах, стодворках. В Ивановской — одной из самых отстающих станиц Славянского района, — большинство партприкрепленных на работу в участки не ходят, комсоды бездействуют; в отношении дезертиров никаких мер воздействия не применяется. Правл.-оппортунистическая практика местной ячейки усиливает сопротивлительные кулацкие элементы. Обнаглевшие кулаки избивали недавно лучшего активиста станицы т. Калугу, председателя комсода. Кулаки-братья Костюк — арестованы и будут судиться показательным процессом.“

В ст. Славянской оппортунист Шнейдер отказался работать в стодворке по хлебозаготовкам. В той же станице увольняет от работы ряд членов союза советских служащих, не выполняя решения межсоюзного собрания.

Председатель Терновского сельсовета Кривомазов (Миллеровский район) совершенно игнорирует работу с единоличниками. Кривомазов не оказывает содействия агитколонне, организовавшей на селе, чтобы усилить хлебозаготовки.

Демобилизация, дезертирство в ответственный момент борьбы за хлеб есть прямое пособничество кулаку, худший вид проявления правого оппортунизма на практике. И совершенно правильно поступила парторганизация с. Гулькевичи, выкинув из своих рядов капитулянта Гордашевского, отказавшегося работать по хлебозаготовкам.

Нажим на кулацко-зажиточные хозяйства, саботирующие твердые задания, остается совершенно недостаточным. Кулаки сдали хлеб только в размере 61 проц. твердых заданий, зажиточные хозяйства — 71 проц. В таких районах, как Армавирский, Ново-Александровский и др., эти цифры еще ниже. Надо со всей твердостью ударить по кулаку, по кулацкой агитации, заставить кулацко-зажиточные хозяйства немедленно и полностью вывести хлеб по твердым заданиям.

Позорно сдают темпы решающие зерновые районы. Отчетная пятидневка прошла под знаком снижения почти во всех отстающих районах — Брюховецком, Тихорецком, Кореновском, Славянском, Кропоткинском, Армавирском, Ново-Александровском, Курганенском, Георгиевском, Лабинском“.

От Казачьего Колонизационного Комитета.

Информация о состоянии казачьего колонизационного дела будет помещена в следующем номере „В. К.“.

Администрация журнала „В. К.“ настоящим обращается с просьбой ко всем тем, кто еще не послал подписную плату на следующий, 1931, год, послать таковую своевременно, чтобы избежать перерыва в высылке журнала.

Открыта подписка на 1931 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	30 кр.	50 кр.
В Польше	10 зл.	15 зл.
В Югославии	40 дин.	70 дин.
В Болгарии	50 лева	100 лева
Во Франции	30 фр.	50 фр.
В других странах	1½ ам. д.	3 ам. д.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Fochova, 130. Tchecoslovaquie.
Подписную плату посылать только по адресу редакции.

Козаки!
Подписывайтесь на свой журнал
„Вольное Казачество--Вільне Козацтво“.